

ОБЛАКО

надъ

СВЯТИЛИЩЕМЪ,

или

нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезись не смѣшъ.

Сочиненіе Г. Эккартсгаузена,
изданное въ 1802 года.

Съ дозволенія Санктпетербургскаго
Гражданскаго Губернашора.

Изданіемъ Переводника.

Санктпетербургъ.
Въ Императорской типографіи,
1804 года.

Не вѣ силѣ велицѣй, ни вѣ
крѣпости, но вѣ Дусѣ своемѣ по-
бѣждаешѣ Господѣ. *Зах. IV. 6.*

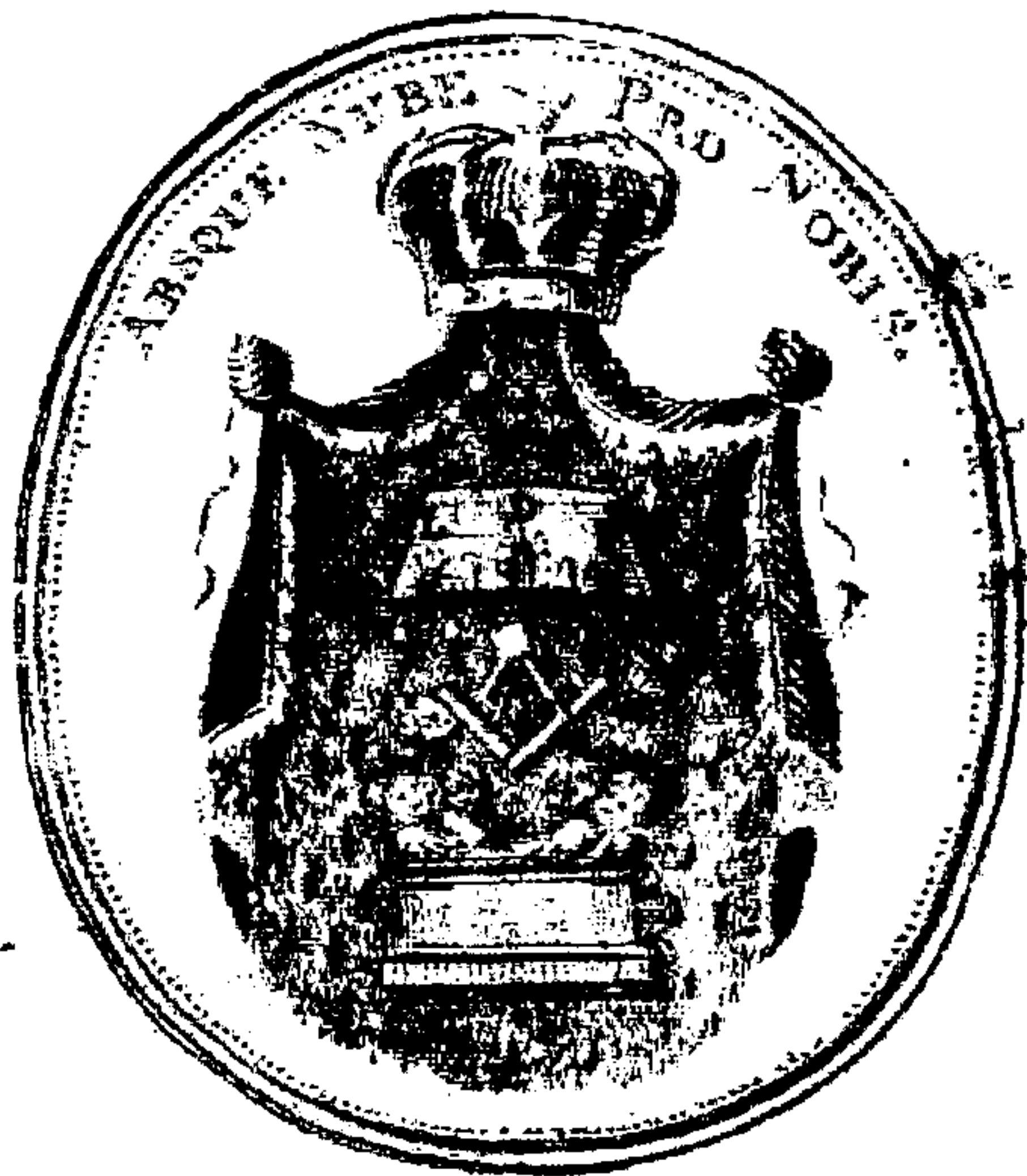
Въ сей книжкѣ мы представляемъ тебѣ, Любезный Титатель, одно изъ послѣднихъ твореній сего Автора, изданныхъ имъ въ свѣтъ; ибо онъ, по долговременной и тяжелой головной болѣзни, въ Маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1803 года контилъ здѣшнюю жизнь свою. Наспавленіе Клоаса Софрониму, помѣщенное нами въ Опрывкахъ, писано имъ не задолго предъ своею континою, по облегченіи отъ болѣзни; и какъ оно на Мѣмецкомъ языкѣ не было еще напечатано: то вѣроятно есть самое послѣднее его сочиненіе, полученное нами въ рукописи. Мы думаемъ, Любезный Титатель, что ты соединишь съ нами добрая твои желанія и благословишь память всякаго Трудника, работающаго въ вертоградѣ Господнемъ.

Поставленные у Автора, на
виньетѣ, которой и мы удержали,
Латинскія слова значатъ: Безъ
облака для насъ.

У. М.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Для шихаго и спокойнаго Наблю-
дателя ни кошорый вѣкъ такъ не
примѣчашеленъ, какъ нашъ. Вездѣ
броженіе и круженіе вѣ умахъ и
вѣ сердцахъ человѣческихъ; вездѣ
борьба свѣта со тьмою — борьба
мершвыхъ идей съ живыми — мер-
швой, немощной воли съ живою дѣя-
шельною силою — брань скошочело-
вѣка съ будущимъ Духо-человѣкомъ.

Напрятги послѣднія силы швои,
естешвенный человѣкъ! Самая борь-
ба швоя возвѣщаетъ вышнюю нашу-
ру, вѣ шебѣ усышленную. Ты пред-

Чувствуешь, ты ощущаешь достоинство свое: но все вокругъ тебя еще темно, и свѣшльникъ слабаго шво-его разума недоспашоченъ къ освѣщенію предметовъ, кошорыхъ ты доспигашь долженъ.

Говоряшъ, мы живемъ въ *вѣкъ Просвѣщенія* — но правильнѣе сказашь, бы надлежало въ *вѣкъ мерцанія*. Кое-гдѣ мелькаешъ свѣшъ сквозь облако шьмы: но прямо онъ не освѣщашь еще ни разума нашего, ни сердца. Люди несогласны въ поняшіяхъ, ученые споряшъ: а гдѣ споръ, тамъ еще нѣшъ истины.

Наиважнѣйшіе для человекшва предметы еще не ушверждены; мы несогласны ни въ началъ разума, ни въ началъ нравшвенности, или побудительной причинъ воли, — доказашельство, что мы среди великаго сего времени Просвѣщенія не знаемъ еще прямо, какова у насъ голова и сердце.

Можешъ бышъ все сіе скорѣе узнали бы мы, ешъли бы не во-

ображали себѣ, что свѣшльникѣ
познанія у насѣ уже вѣ рукахѣ;
и естѣли бы мы хошя разѣ прямо
взглянули на немощѣ нашу, и узна-
ли, что намѣ пошребенѣ вышній
свѣшѣ.

Мы живемѣ во времена идолослу-
женія разуму; мы возжигаемѣ на
алшарѣ его смоляной факелѣ, и
громко кричимѣ: шеперь-шо восходѣ
солнца; шеперь-шо начинаешя день,
вѣ кошорый мѣрѣ, чрезѣ Науки и
Художества и ушонченный вкусѣ, и
шакже чрезѣ чистое познаніе вѣ
Религїи, опчасу болѣе просвѣщаш-
ся и совершеншвуешя!

Бѣдные человѣки! Далекo ли же
разпросшранили вы блаженшво че-
ловѣческое? Бывалѣ ли полно какой
вѣкѣ, кошорый бы спойлѣ человѣче-
шву сполькихѣ жершвѣ, какѣ ны-
нѣшній? Бывалѣ ли когда вѣкѣ,
вѣ кошоромѣ бы невѣжество и
эгоизмѣ болѣе господшвовали, какѣ
вѣ нынѣшнемѣ? (Какѣ-шо доказала

*

Франція.) Дерево по плодамъ познаешся.

Человѣки, обезумленные мнимымъ своимъ натуральнымъ разумомъ! Откуда взяли вы свѣтъ, кошорымъ другихъ просвѣшивъ хошите? Не всѣ ли поняшя ваши заимствованы отъ чувственности, кошорая не доставляетъ истины, а только явленія ея?

Все *познавательное* во времени и пространствѣ не есть ли *относительное*? Все, что мы называемъ можемъ истиною, не есть ли истина относительная? Совершенной истины не въ сферѣ явленій искашь надлежитъ.

И такъ натуральный вашъ разумъ имѣетъ не существо, а только видъ истины и свѣта. Чемъ же болѣе блескъ сей увеличивается и внѣшно разпространяется, тѣмъ болѣе существо свѣта внутри уменьшается; и человекъ, ослѣпляясь блескомъ, хватается за блестящій образъ безъ существа.

Нынѣшняя наша философія возноситъ слабый естесшвенный разумъ на степень независимаго существа; приписываетъ ему власть Законодавца, похищаетъ у него вышнюю силу, дѣлаетъ его самосущимъ, и прешворяетъ въ дѣйствительное Божество, отсѣкая всякую связь, всякое истинное сообщеніе между имъ и Богомъ; и сей-то Божокъ — Разумъ — не вѣдущій другаго закона кромѣ своего собственнаго, долженъ править людьми и дѣлать ихъ счастливыми! Тьма должна разпространять свѣтъ, бѣдность богатство, и смерть живошворить!

Истина ведетъ людей къ блаженству: можете ли же вы имъ дать его?

То, что вы *истиною* называете, есть только пустая форма понятія о чувственныхъ, или и неподлежащихъ чувствамъ предметахъ, совнѣ чрезъ чувства полученная и разумомъ чрезъ сославленіе примѣ-

іенныхъ соотношеній въ науку, или въ бредъ, приведенная: вещешвенной же истины вы не имѣете; духовное и вещешвенное начало есть для васъ непосшижимость (Noumen).

Моральную истину, теоретическую ли по, практическую ли, извлекаете вы изъ Писанія и преданій. — Но какъ началомъ вашего Разума есть самость, а побужденіемъ Воли одинъ эгоизмъ: по вы собственнымъ вашимъ свѣтомъ или не видите повелительнаго закона нравешвенности, или отражаете его вашею волею. До сего-по дошло нынѣшнее просвѣщеніе. Самость, въ одеждѣ философскаго лицемѣрія, есть чадо погнбели, рожденное въ мѣрѣ ея.

Кто будетъ утверждать, что солнце спойтъ въ полуднѣ, когда ни одинъ лучъ не утѣшаетъ страны той, и ни малѣйшая теплота не оживляетъ ея расшній? Когда Мудрость не исправляетъ человекѣвъ, и Любовь не дѣлаетъ ихъ

счастливейше: то мало еще сделано для вселенных.

О! когда бы естественный, или чувственный, человек увидя, что началом разума у него только собственность, побуждением воли только самость, и что по тому самому он должен быть крайне беден и несчастен: то он стал бы искать высшего начала внутри себя, и приблизился бы к источнику, который может всем дать себе начало; ибо оно есть Премудрость во существе.

Христос есть Премудрость, Истина и Любовь. Яко Премудрость, Он есть начало разума, источник чистейшего познания; яко Любовь, Он есть начало нравственности, существо чистое побуждение воли.

Любовь и Премудрость совершают Духа истины, который есть внутренний свет, освещающий сверхчувственные предметы и во нас их осуществляющий.

Невѣроятно, сколь глубоко по-
грязаетъ человекъ въ заблужденіе,
когда оставляетъ просыя истины
върѣ и поставляетъ на мѣсто ихъ
свое *мнѣніе*!

Нашъ вѣкъ хочетъ опредѣлить
начало разума и нравственности,
или побудительную причину воли,
головой: но если бы господа Ученые
были повнимательнѣе, то мо-
жетъ быть нашли бы оно лучше
опредѣленнымъ въ сердцѣ самаго
просшаго человека, нежели во всѣхъ
ихъ блистательныхъ умствованіяхъ.

Практическій Христіанинъ сію
побудительную причину воли, начало
всякой нравственности, существенно
и вещественно находитъ въ
своемъ сердцѣ; и оно выражается
въ слѣдующемъ правилѣ:

*Люби Бога на те всего, а бли-
жняго какъ самаго себя.*

Любовь къ Богу и ближнему есть
побудительная причина воли Хри-
стіанина; а самое существо любви
есть въ насъ Христосъ.

Такъ и начало разума есть въ насъ Премудрость, а существо Премудрости, или Премудрость въ существѣ, опять есть Хриосъ, свѣтъ міра: и такъ въ Немъ обрѣщаемъ мы начало и разума и нравственности.

Все, что я здѣсь говорю, не есть высокопарная мечта, а дѣйствительная подлинность, совершенная истина, которую всякой опытомъ самъ дознать можешь, какъ скоро примешь въ себя начало разума и нравственности, *Христа*, яко Премудрость и Любовь. Онъ самъ нарекъ себя Истиною, и единъ Онъ есть Премудрость и Любовь.

Но чувственный человекъ крѣпко запертъ для кореннаго основанія всего истиннаго и сверхчувственного; и самъ разумъ, который нынѣ хошимъ мы возвестъ на престолъ, яко законодавца, есть только смыслъ чувствъ, коего свѣтъ различенъ отъ того свѣта такъ, какъ свѣтъ гнилушки отъ сіянія солнечнаго.

Совершенная истина не есть для чувственного человека, а для внутреннего, для Духочеловка, кошорый имѣетъ свое чувствилище, или прямѣе сказашь внутренней смыслъ, для пріятія совершенной истины сверхчувственного міра; — духовное чувство, обзрѣвающее духовные предметы также натурально, какъ внѣшнее чувство разсматриваетъ внѣшніе предметы.

Сіе внутреннее чувство Духочеловка, сіе чувствилище метафизическаго міра, къ сожалѣнію, неизвѣстно еще сущимъ внѣ сего міра, и есть тайна царствія Божія.

Нынѣшнее невѣріе ко всему, чего чувственный нашъ смыслъ не понимаетъ, причиною того, что самоважнѣйшія для человекѣвъ истины ошвергаются.

Да и какъ бытъ тому иначе? Ибо чшобъ увидѣть, надобно имѣть глаза; чшобъ услышать, имѣть уши. Для каждаго чувственного предмета потребно свое чувство: такъ равно

и для метафизическаго предмета
 пошребно свое чувстввилице: а сіе
 внушреннее чувстввилице у большей
 часши людей запершо; и пошому
 чувстввенный человекъ судишъ о
 метафизическомъ мірѣ, какъ слѣпой
 о цвѣсахъ, и какъ глухой о звукѣ.

Есть сущесшвенное начало разума
 и сущесшвенная причина воли. Оба
 они вмѣстѣ суть начало новой жиз-
 ни, и нравсшвенносшь сущесшвенно
 въ нихъ сосшоишъ. Сей чистый
 разумъ и соединенное съ нимъ су-
 щесшво воли есть въ насъ Богоче-
 ловѣкъ Христосъ, свѣтъ міра, ко-
 шорому надлежишъ всшупишъ непо-
 средсшвенно въ союзъ съ нами,
 чшобъ намъ дѣйсшвишельно познашъ
 его.

Сіе дѣйсшвишельное познаніе есть
 живая *вѣра*, у кошорой все перехо-
 дишъ въ духъ и истину.

И такъ для приняшїя онаго дол-
 жно необходимо бышъ такъ орга-
 низовану духовному чувстввилицу,
 духовному внушреннему органу, спо-

собному кѣ пріямію сего свѣта: но у большей части людей оно заключено подъ корою чувствственности.

Сей внутренній органъ есть чувство зрѣнія сверхчувственного міра; и пока сіе зрѣніе въ насъ не ошкроешся, до тѣхъ поръ мы не можемъ имѣть прямого вѣдѣнія о вышнихъ истинахъ.

Заключенность сего органа есть необходимое слѣдствіе очувствившагося паденіемъ человека; грубая матерія, заключающая сіе внутреннее чувствилище, есть чешуя, покрывающая внутреннее око, и дѣлающая наружное око неспособнымъ зрѣть міръ духовный. Сіаже самая матерія запираешъ и внутреннее наше ухо, дабы мы не слышали гласовъ метафизическаго міра, и прищипляешъ внутренній нашъ языкъ, дабы мы не произносили сильныхъ словъ духа, кошорыя нѣкогда мы изрекали и чрезъ кошорыя мы повѣдвали вышнюю нашу рою и стихіями.

Въ отверстіи сего духовнаго чувствилища заключаешся шайна возрожденія и внутреннѣйшаго соединенія чловѣка съ Богомъ — высочайшая цѣль религіи здѣсь на земли.

Изъ сего легко уразумѣть можно, для чего религія всегда насшоитъ о покореніи чувственнаго чловѣка духовному? Причина тому та, что она хочеть духовнаго чловѣка сдѣлать господствующимъ, дабы Духочловѣкъ, или истинный Умочловѣкъ, господствовалъ надъ чувственнымъ. Сію истину чувствуетъ и философъ; заблужденіе его только въ томъ, что онъ не знаетъ истиннаго начала разума, и хочеть на мѣсто его поставить свою собственность, свой чувственный смыслъ.

Какъ чловѣкъ внутри себя имѣеть духовный органъ и чувствилище къ принятію истиннаго начала разума, или божественной Премудрости, и истиннаго побужденія воли, или Божественной любви: такъ и внѣ имѣеть онъ физическое, ма-

шеріальное чувстввище кѣ приня-
шію сіянія свѣта, сіянія истины.
И какѣ внѣшняя Натура не имѣетѣ
совершенной истины, а только оп-
носишельную, *кажушчюся* истину:
то необходимо слѣдуетѣ, что че-
ловѣческой разумѣ не можетѣ по-
лучашѣ умной истины, а только
блескѣ ея; только явленіе, которе,
на мѣсто побудительной причины
воли его, возбуждаетѣ вѣ немѣ токмо
похошѣ, вѣ коей и состоитѣ порча
чувстввеннаго человекѣ, или повреж-
денной Натуры.

Сіе наружное чувстввище чело-
вѣка соспавлено изѣ неравноформен-
ной шлѣбной сущности: внутреннее
же имѣетѣ основаніемѣ нешлѣбное,
сверхчувстввенное, метафизическое
существо.

Первое есть причиною нашей
шлѣбности и смертности: второе
причиною нешлѣбнія и безсмертія.

Вѣ области матеріальной, или
шлѣбной Натуры, безсмертное обле-
чено смертнымѣ; и ошѣ шлѣбной

матеріи смертності происходить
вся бѣдность наша.

Дабы человѣку освободиться отъ
сей бѣдности, нужно, чтобы не-
плѣнное, внутри насъ кроющееся,
бессмертное Начало въ насъ раскры-
лось и какъ бы поглошило плѣнное
и смертное, дабы оболочка чувстви-
тельности спала, и человѣкъ явился
въ первобытной своей чистотѣ.

Сія кора чувствительной натуре,
которая есть дѣйствительно плѣн-
ная и въ крови нашей находящаяся
сущность, составляетъ узы, содер-
жащія нашъ бессмертный духъ ско-
ваннымъ въ бренной смертной пло-
щи.

Сія кора можетъ въ каждомъ
человѣкѣ, болѣе или менѣе, быть
совлечена; и чрезъ то духъ полу-
чаетъ болѣе свободы, и слѣдова-
тельно болѣе познанія о сверхчув-
ственномъ, къ которому онъ подходитъ.

Три есть степени, или три
разные градуса, раскрытія въ насъ
духовнаго чувства, или чувствительности.

Первая степень простирается только до нравственнаго добра, и сверхчувственный міръ дѣйствуетъ въ насъ внутренними движеніями, кои называющся *Внушеніями*, или *Вдохновеніями*.

Вторая и вышшая степень разверзаетъ наше чувствилище къ пріятію духовнаго и умнаго; и мешафизическій міръ дѣйствуетъ въ насъ внутренними *Просвѣщеніями*.

Третья и высочайшая, но и самая рѣдкая степень, разверзаетъ все внутреннее, (снимаетъ всю кору съ духовнаго нашего ока и уха,) и дославляетъ намъ полное *Созерцаніе* духовнаго царства — видимосшь мешафизическихъ чувственныхъ предметовъ: чѣмъ извясняющся вдругъ всѣ видѣнія совсѣмъ натурально.

И такъ мы имѣемъ во внутреннемъ нашемъ такоеже чувство и видимосшь, какъ и во внѣшнемъ: только предметы и чувства различны. Во внѣшнемъ дѣйствуетъ въ насъ скошсочувственное побуж-

деніе, и дѣйствіе сіе приємлетъ плѣнная чувственная матерія: а во внутреннемъ дѣйствуеетъ въ насъ недѣлимая мешафизическая сущность; приємлетъ же сіи вліянія неплѣнное безсмертное существо нашего духа. Но вообще все дѣлаеетъ ся также натурально и во внутреннемъ, какъ и въ наружномъ. Законъ вездѣ одинъ.

Поелику же духъ, или внутренній нашъ человекъ, имѣетъ совсѣмъ другое чувство и способность представленія, нежели естественный человекъ: шо ни мало не удивительно, что онъ остаеетъ ся загадкою для нашихъ Ученыхъ, не вѣдающихъ сего чувства, и не испытавшихъ сверхчувственного духовнаго міра. И пошому они мѣряютъ сверхчувственное мѣрою чувственности, плѣнное возбужденіе смѣшиваютъ съ неплѣнною сущностію; и ошъ шого необходимо судятъ о предметахъ также ложно, какъ люди, у коихъ недостаеетъ чувства и кои слѣдовательно не могутъ получить понятія о

вещи, шѣмъ чувствомъ постигаемой, и не могушъ принять ни относительной, ни совершенной истины. Приведенными здѣсь истинами мы обязаны Каншовой философіи.

Каншъ неоспоримо доказалъ, что разумъ, въ естественномъ своемъ состояніи, о сверхъестественномъ, духовномъ и высшемъ ничего не знаетъ, и ничего ни по разложенію, ни по сложенію, узнать не можетъ; и следовательно ни возможности, ни действительности Духовъ, душъ и Бога доказать не въ состояніи.

Сіе есть великая и весьма благошворная истина для нашихъ временъ, хотя Апостолъ Павелъ давно уже подтвердилъ ее въ I. Посланіи къ *Кор. II. 24*. Но языческая философія Христіанскихъ Ученыхъ умѣла ошдалишь ее до временъ Каншовыхъ.

Благошворность сей истины двояка: во первыхъ она полагаетъ непремѣнныя границы чувствамъ, фанатизму и мечшамъ разума; во вторыхъ представляетъ въ яснѣйшемъ

свѣтъ потребностъ и божественностъ Откровенія, когда доказано, что человеческой разумъ, будучи запертъ для всего сверхъчувственнаго, безъ Откровенія не имѣлъ бы никакого вѣрнаго источника, откуда почерпнуть ему познаніе о Богѣ, о духовномъ мірѣ, о душѣ и безсмертіи ея; и слѣдовательно совершенно бы ему невозможно было не только знать, ниже воображать о семъ что либо.

И такъ мы обязаны Каншу, что онъ и философамъ доказалъ то, что въ вышнемъ училищѣ свѣтоноснаго общества давно доказано, а именно: что безъ Откровенія не возможно имѣть познанія ни о Богѣ, ни о душѣ.

Изъ сего ясно заключить можно, что кореннымъ основаніемъ всѣмъ религіямъ въ мірѣ должно быть всемірное Откровеніе.

По Каншовой системѣ доказано, что умный міръ совсѣмъ неприступенъ для естественнаго разума;

— Богъ обитаешъ въ такомъ свѣтѣ, куда - никакое умозрѣніе, никакой неопроверсшый разумъ проникнуть не можешъ.

И такъ чувствственный, или естественный человекъ, не имѣешъ понятія о сверхъчувствственномъ. И потому нужно было ему Откровеніе вышнихъ истинъ, и нужна была въра въ Откровеніе: ибо върою подающа средства къ раскрытію внутренняго чувстввища, (Sensorium,) кошорымъ могушъ бышъ поняты истины, самыя непоспижимыя для естешвеннаго человека.

Совершенно справедливо, что съ новыми чувствами получаемъ мы новыя понятія о предметахъ. — Сіи предметы могушъ существовать и не бышъ нами примѣчены, за неимѣніемъ удобопріемлющаго органа. Цвѣты есть, но слѣпой ихъ не видишъ; звуки есть, но глухой ихъ не слышишъ. Недостатокъ сего находишся не въ приемлемомъ предметѣ, а въ приемлющемъ органѣ.

Съ раскрытіемъ въ насъ новаго органа мы новое видимъ, новое испытываемъ. Духовный міръ невидимъ для насъ только по тому, что въ насъ не раскрылся тотъ органъ, который можетъ сдѣлать его видимымъ.

Съ раскрытіемъ новаго органа вдругъ поднимаешься завѣса, непроницаемый покровъ снимается, облако надъ Священнымъ изчезаетъ; являешься новый міръ, чешуя съ нашихъ глазъ спадаетъ, и мы вдругъ преселяемся изъ страны явленій въ страну Истины.

Единъ Богъ есть прямое существо, совершенная Истина; единъ онъ есть *свѣтъ*: мы же только то, что Онъ изъ насъ творитъ.

Для него все въ единствѣ: для насъ же во множественности.

Къ сестру опроверженію внутренняго чувствилища многія тысячи людей совсѣмъ не имѣютъ чувства, такъ какъ и къ истинной внутренней жизни духа, которой они совсѣмъ не вѣдаютъ и не ощущаютъ: а пошому

и знать не могутъ, что духовное и сверхчувственное понимать можно, и что можно въ сверхчувственномъ возвыситься до Созерцанія.

Истинное великое строение Храма состоишь единственно въ томъ, чтобы сокрушить бѣдную Адамову жизнину и создать Храмъ Божеству, или другими словами сказать: раскрышь въ себѣ внутреннее чувствительное, или Богообщительный органъ, по раскрыши котораго мешающее физическое земное начало возобладаетъ надъ земнымъ, и человекъ начнетъ жить уже не началомъ самолюбія, но духомъ и истиною, кои онъ есть Храмъ.

Тогда законъ нравственности состоятъ въ любви и въ действованіи, вмѣсто того, что онъ въ чувственномъ, наружномъ, естественномъ человекѣ остается только пустою мысленною формою; и духовный человекъ, яко возрожденный въ духъ, видитъ тогда въ существѣ все то, о чемъ естествен-

ный человекъ только мечтаетъ, только имѣетъ пустой звукъ, признаки и буквы, кошорья всѣ, безъ внутренняго духа, суть безжизненные мершвые образа.

Высочайшая цѣль Религіи есть внутреннѣйшее соединеніе человека съ Богомъ, кошорое и здѣсь еще возможно: но не иначе, какъ посредствомъ раскрытія внутренняго духовнаго нашего чувствилища, шворящаго опверсшое сердце наше удобнымъ къ приняшю Бога.

Сіи - то суть великія шайнства, о кошорыхъ наша философія и грезишь не можетъ, и къ кошорымъ ключь не у нашихъ школьныхъ Ученыхъ находишся.

Но между шѣмъ всегда существовало вышнее Училище, кошорому ввѣрены были всѣ сіи познанія, и кошорое было Свѣшоносное Общество, или Церковь Господня; Общество Избранныхъ, кошорое съ перваго дня шворенія до нынѣшнихъ временъ непрерывно продол-

жалось, и кошораго члены хошя по
всему міру разсѣяны, но всегда
въ духѣ и истинѣ соединены; все-
гда одно шолько познаніе, одинѣ
исшочникѣ истины, одного Господа,
Учишеля и Маспера имѣли; такого
Учишеля и Маспера, въ кошоромѣ
всеобщая полноша Божества суще-
ственна общаешѣ, и кошорый единѣ
посвящалѣ ихѣ въ высокія шайн-
ства какѣ Нашуры, такѣ и Духовнаго
міра; и сіе благодатное Общество
издревле называлось невидимою вну-
треннею Церковію, или древнѣй-
шимѣ Обществомѣ, о кошоромѣ
въ слѣдующемѣ письмѣ поговоримѣ
болѣе.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Нужно подашь вамъ, Возлюбленные о Господѣ Братья! чистое понятие о внутренней церкви, — о томъ свѣтозарномъ обществѣ Божіемъ, которое по всему міру разсѣяно, но управляется единою истиною и сопряжено единымъ духомъ.

Сіе свѣтоносное Общество существуетъ съ перваго дня міробытія, и продолжится до конца временъ.

Оно есть Общество Избранныхъ, познающихъ во шѣмъ свѣтѣ, и принимающихъ его въ свою собственность.

Сіе Свѣтоносное Общество имѣетъ у себя такое Училище, въ которомъ самъ Духъ Истины поучаетъ жаждущихъ свѣта, и въ которомъ всѣ тайны Божіи и тайны Нашуры

сохраняюшся для чадъ свѣта. Совершенное познаніе Бога, совершенное знаніе Натуры и чловѣчества суть предметы ученія въ семъ Училищѣ. Изъ онаго изходятъ въ міръ всѣ истины; оно было училищемъ Пророковъ и всѣхъ ищущихъ Премудрости. Въ немъ шокмо можно найши истину и изъясненіе всѣхъ таинствъ и мистерій. Оно есть самое внутреннѣйшее Общество, и имѣетъ членовъ не изъ одного міра. Теперь слѣдуюшъ поняшя о немъ.

Издравле внутреннее было основаніемъ внѣшнему, кошорое было шокмо выраженіемъ, чершежемъ онаго.

Издравле былъ такой внутренній Соборъ, общество Избранныхъ, способныхъ ко свѣту и ищущихъ свѣта; и сіе внутреннее Общество называлось внутреннѣйшимъ Свящилищемъ, или внутреннею Церковію.

Все, что внѣшняя церковь имѣетъ въ образахъ, обрядахъ и чино

положеніяхъ; есть буква, которой духъ и истина находишся во внутренней.

И такъ внутренняя Церковь есть такое Общество, коего члены разсѣяны по всему міру, но коихъ внутренне соединяетъ единый духъ любви и истины. Они всегда работали надъ строеніемъ великаго Храма возрожденія чловѣчества, чрезъ которое открываешся царство Божіе, состоящее въ обществѣ Свѣтоспособныхъ, или Избранныхъ.

Сіи Свѣтоспособные соединены духомъ и истиною, и глава ихъ есть самъ свѣтъ міра, Христосъ, помазанникъ свѣта, единственныи Ходатай рода чловѣческаго, путь, истина и жизнь, Первоначальный свѣтъ, Премудрость, единственное средство къ достиженію чловѣкамъ къ Богу.

Внутренняя Церковь началась тогда по паденіи чловѣка и непосредственно отъ Бога получила откровеніе, какимъ образомъ падшій

родъ, человѣческій будетъ, паки возведенъ въ свое достоинство и искупленъ отъ своей бѣдности. Она получила въ залогъ всѣ опкровенія, и всѣ тайны, и ключъ къ истинному познанію какъ божественнаго, такъ и естествонаго.

Но когда люди разрознились: слабость и немощь человѣческія сдѣлали необходимымъ наружное Общество, которое бы заключало въ себѣ внутреннее сокровенно, и духъ и истину скрывало подъ буквами. Ибо какъ множество, толпа, народъ, неспособны къ постиженію великихъ внутреннихъ тайнъ, и весьма было бы опасно ввѣришь всесвятейшее неспособнымъ: то внутреннія истины облечены были въ наружные чувственные обряды, дабы чрезъ чувственное и наружное, яко образъ внутренняго, удобнѣе приведши челоуковъ къ внутреннимъ духовнымъ истинамъ.

Внутреннее же всегда ввѣрялось самому свѣтоспособнѣйшему того

времени; онъ былъ обладатель сего залога, яко Первосвященникъ во Свяшная Свяшыхъ.

Когда же по слабости человекъ, не могущихъ сносить полного свѣта, внутреннія истины должны были облечься въ наружные чувственные образа: тогда произошло внѣшнее богослуженіе, которое однако всегда пребывало оппечашкомъ и выраженіемъ внутренняго, то есть истиннаго поклоненія Богу въ духъ и истинѣ.

Разность между духовнымъ и скопскимъ, или разумнымъ и чувственнымъ человекомъ, сдѣлала необходимымъ наружное и внутреннее. Внутреннія духовныя истины вступили въ наружное подъ покровомъ образовъ и обрядовъ, дабы возбудишь вниманіе въ чувственномъ скопчеловекѣ, и мало по малу препроводишь его ко внутреннимъ истинамъ.

По сему наружное богослуженіе было чувственное изображеніе внутреннихъ истинъ, истинныхъ со-

отношеній между человекомъ и Богомъ, до паденія, по паденіи, и въ состояніи его достоинства, усыновленія и совершеннаго примиренія. На сихъ трехъ главныхъ отношеніяхъ основаны всѣ чувственные знаменія внѣшняго Богослуженія.

Оуправленіе сего внѣшняго Богослуженія названо священнодѣйствіемъ. Сіе священнодѣйствіе въ первыя времена оуправлялъ каждый отецъ семейства. Первенцы плодовъ и скотовъ приносимы были въ жертву Богу: первые въ знакъ того, что все питающее и сохраняющее нашу жизнь происходитъ отъ него; вторые во знаменованіе того, что живошный скотской человекъ долженъ бытъ умерщвленъ и закланъ, дабы дать мѣсто духовному и разумному человеку.

Внѣшнему Богослуженію не надлежало никогда оудѣляться отъ внутренняго; но какъ слабость человеческая легко въ буквѣ забываетъ духа: то Духъ Божій между всѣми

народами возбуждалъ всегда способнѣйшихъ ко свѣту, и упошреблялъ ихъ своими Повѣренными къ возженію повсюду истины и свѣта, по способности челоуковъ, дабы мершвую букву оживишь духомъ и истиною.

Посредствомъ сихъ Божескихъ орудій внутреннiя истины Свящiлища разсѣялись между самыми ошдаленнѣйшими народами, и по способностямъ, обычаямъ и мѣстному положенію каждаго, представлены были чувственно: такъ что наружные образа во всѣхъ религіяхъ, Богослуженіе ихъ, обряды и священныя книги вообще имѣють предметомъ своимъ внутреннiя истины Свящiлища, съ тѣмъ только различіемъ, что одни яснѣе, другія темнѣе по выражающъ, и ими токмо въ послѣднiя времена челоушество доведено будешъ до всеобщности познанiя единыя истины.

Чѣмъ болѣе внѣшнее Богослуженіе въ какомъ народѣ пребывало соединенно съ духомъ внутреннихъ истинъ,

тѣмъ чище была его религія: чѣмъ же болѣе изобразительная буква ошдблялась ошв внутренняго духа, тѣмъ несовершеннѣе ешановилась религія — превращившаяся наконецъ у нѣкошорыхъ въ многобожіе — когда внѣшняя буква внутренній свой духъ совсѣмъ пошеряла, и ошпался одинъ мертвый обрядъ безъ души и безъ жизни.

Когда же сѣмена главнѣйшихъ истинъ посѣялись во всѣхъ народахъ Свѣшоспособными, Повѣренными Божиими: тогда Богъ избралъ одинъ особенный народъ, дабы предсшавишь живой примѣръ, какъ хошешъ Онъ правишь всѣмъ родомъ челобческимъ въ насшоющемъ его сосшоеніи, и привесши его къ высочайшему очищенію (измовенію) и совершенсшву.

Сему избранному народу самъ Богъ учредилъ внѣшнее его Богослуженіе, и въ знакъ истины даровалъ ему всѣ общесшвенные символы и

обряды, вѣ коихъ, какъ вѣ оппечашкахъ, содержались великія внутреннія истины Свящилища.

Сію внѣшнюю церковь Богъ освятилъ во Авраамѣ, далъ ей заповѣди вѣ Моисеѣ, и обѣщавъ ей обѣщованіе высочайшаго ея совершенства вѣ двукрашномѣ пришествіи Іисуса Христа: — сперва вѣ собственомѣ Его бытіи на земли, вѣ нищестѣ и спрданіи; а пошомѣ вѣ сообщеніи Духа его во славѣ воскресшаго.

Какъ же основаніе внѣшней Церкви положилъ самъ Богъ: шо весь составъ образовъ внѣшняго Богослуженія составлялъ Храмовую, или Священническую науку шѣхъ временъ, и всѣ таинства святѣйшихъ внутреннихъ истинъ чрезъ Откровеніе всступили во внѣшнее.

Знаніе сей священной символической науки составляло науку возсоединенія падшаго человека съ Богомъ. Отсюда-шо Религія получила свое имя, яко ученіе о *возсоединеніи*

разлученнаго и удаленнаго отъ Бога
человѣка съ началомъ.

Изъ сего чисшаго понятія слова
Религія вообще легко видѣшь мо-
жно, что Религія во внутреннѣй-
шемъ Свящилищѣ одна, и что мно-
жесшво внѣшнихъ религій никогда
сей единичности ни перемѣнишь, ни
ослабишь не можешъ; ибо единсшво
есшъ основаніемъ всему внѣшнему.

Храмовая мудрость Вешхаго За-
вѣша была въ рукахъ Священниковъ
и Пророковъ.

Священнику повѣрялось наружное,
буква, изображеніе, Іероглифъ.

Пророки хранили внутреннее,
духъ, истину; — и всегдашнею ихъ
должносшю было обращашъ Священ-
никовъ отъ буквы къ духу; ибо они
часто забывали духа, и осшавались
при одной буквѣ.

Наука Священническая была наука
знанія внѣшнихъ образовъ.

Наука Пророческая была знаніе
и праншическое сшяжаніе духа и
истины шѣхъ образовъ. Въ наруж-

номъ была буква: во внутреннемъ живошворящій духъ.

И такъ въ Вешхомъ Завѣшѣ было два училища: училище Священниковъ и училище Пророковъ. Первое занималось эмблеммами: а послѣднее испинами, подъ ними разумѣваемыми.

Священники обладали наружнымъ ковчегомъ, хлѣбомъ, свѣщникомъ, манною, жезломъ Аароновымъ: а Пророки внутренними духовными испинами, представляемыми чрезъ сіи образа.

Внѣшняя церковь Вешхаго Завѣша была видима: внутренняя же всегда была и должна бышь невидима; и однакожъ она управляла всѣмъ, ибо ей одной ввѣрена власшь и сила.

Наружное Богослуженіе, ошдѣлясь ошъ внутренняго, пало; и Богъ многими послѣдствіями доспомятыхъ произшествій подтвердилъ шу истину, что буква не можешъ стояшь безъ духа, — что она служишъ только для препровожденія къ духу, и что она не

нужна, и самимъ Богомъ опшвергаешся, когда оставляешъ свое назначеніе.

Какъ духъ Напуры разпроспраняешся въ самыя дикія сшепи, дабы все оживляшъ, сохраняшъ и возвращашъ, чшо шокмо расши можешъ: такъ и духъ Свѣша во внутреннемъ разпроспранялся по всѣмъ народамъ, дабы внутреннимъ духомъ вездѣ одушевишъ грубую букву. Поэтому-шо мы находимъ Іова между идолопоклонниками, Мельхиседека въ народѣ иноплеменномъ, Іосифа у Египетскихъ жрецовъ, и Моисея въ землѣ Мадіамской, въ доказашельство, чшо внутреннее сообщество Свѣшоспособныхъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ соединено было въ единомъ духѣ и въ единой истинѣ.

За всѣми сими дѣйствовашелями Свѣша внутренняго единшвеннаго Общества, въ срединѣ временъ, послѣдовалъ главнѣйшій дѣйствовашель, самъ Іисусъ Христосъ, Царе-

священникъ по чину Мельхиседекову.

Божескіе дѣйствовашели въ Вещномъ Завѣшѣ предшавляли шолько почасшно шо или шо совершенство Божіе: но въ срединѣ временъ долженствовало возпослѣдовашь мощное дѣйствіе, все вдругъ и въ единомъ показавшее. Явился всеобщій Образецъ, кошорый положеннымъ чертамъ каршины далъ полное единство, опверзъ новыя враша, и число работы человеческой уничижилъ; — спрогошъ привелъ въ любовь; и, яко изшекшій образъ самой Премудрости, показалъ человеку всю великостъ существа его; снова оживилъ его во всѣхъ силахъ, увѣрилъ въ безсмертіи, и умное его существо содѣлалъ истиннымъ Храмомъ Духа.

Сей высочайшій дѣйствовашель, Искупитель міра и всеобщій Возроditель, устремилъ весь взоръ къ шой истинѣ, коею человекъ могъ сокранишь свое бытіе, и возвра-

шишь себѣ прежнее достоинство. Въ уничиженіи своемъ положилъ онъ основаніе къ искупленію рода человѣческаго, и увѣрилъ, что нѣкогда онъ совершенно подаспѣ свое Духомъ своимъ, какъ-то истинно показалъ онъ надъ своими Апостолами вкрашѣвъ все, что съ его Избранными случился.

Между Избранными своими, которымъ послалъ Онъ Духа Истины, продолжалъ Онъ цѣль внутренняго Свѣтоноснаго Общества, и увѣрилъ оному всѣ Божественныя и естествосвенныя истины, во свидѣтельство того, что онъ внутренней своей Церкви никогда не покинетъ.

Когда буква и прообразовательное Богослуженіе внѣшней церкви Вѣщаго Завѣща, воочеловѣченіемъ Спасителя, перешли въ истину и событіе, и въ лицѣ Искупителя подтвердились: тогда опять новые символы сдѣлались нужными для внѣшности, которые бы въ буквѣ

показывали намъ будущее, или всецѣлое совершеніе искупленія.

По симъ непреложнымъ кореннымъ истинамъ учреждены были прообразовательные обряды и чиноположенія наружной Христіанской церкви, копорые возвѣщали вещи неописанной силы и величайшей важности, извѣстныя токмо шѣмъ, кои вѣдали самое внутреннее Свящилище.

Сіе внутреннее Свящилище пребывало всегда непремѣннымъ и непоколебимымъ, хошя внѣшнее религіи, буква, по временамъ и обстоятельствамъ, получала различныя преобразования и отошла отъ внутреннихъ истинъ, копорыя могутъ сохраняшь наружное только какъ букву.

Неуваженіе къ истинной цѣли Христіанства и желаніе все переправить переменило наружное зданіе и облекло шьмою и смершію то, что во внутреннемъ было свѣтъ и жизнь. Возстали расколы и ереси, и софистической духъ хошѣлъ извѣ-

яснить букву, пошерявѣ уже духа истины.

Невѣріе довело порчу сію до высочайшей степени; искали потрясти Христіанство въ самыхъ первыхъ его основаніяхъ, и смѣшавъ святое внутреннее съ наружнымъ, подверженнымъ немощи и невѣжеству бренныхъ чловѣковъ.

Возсталъ Деизмъ. Онъ породилъ Матеріализмъ, который всю связь чловѣка съ вышними силами почелъ за мечту: а наконецъ настало и совершенное оприщаніе Бога — частію умомъ, частію сердцемъ — послѣднее и крайнѣйшее уничиженіе чловѣка!

При всемъ томъ Истина всегда оставалась непоколебимою во внутреннемъ.

Пребывая вѣрными Духу истины, общавшему никогда не оставялъ своихъ, сіи члены внутренней Церкви жили въ шихомъ уединеніи и непрестанной дѣятельности, и Храмовую науку Вещаго Завѣша соединяли съ Новозавѣщнымъ духомъ Искуп-

теля, смиренно ожидая того великаго часа, когда Господь созоветъ ихъ и соберетъ свою Церковь, дабы каждой мершвой буквѣ дасть внѣшнюю силу и жизнь.

Сіе внутреннее Свѣтоносное Общество есть соединеніе всѣхъ Свѣтоспособныхъ и Избранныхъ, и разумѣется подъ именемъ Общества Свяшыхъ.

Сему Свѣтоносному Обществу издревле ввѣрены были всѣ силы и истины; и оно одно, какъ говоритъ св. Павелъ, обладало наукою Свяшыхъ. Въ немъ образовались въ каждомъ вѣкѣ Повѣренные Дѣйствовавшие Божіи, изходившіе изъ внутренняго въ наружное, и сообщавшіе духъ и жизнь мершвымъ буквамъ, какъ выше сказано.

Сіе просвѣщенное Общество издревле было истиннымъ Училищемъ Духа Божія; и яко Училище, оно имѣетъ также свою кафедру и своего Магистра; книгу, изъ которой ученики учаща; формы и предметы,

кошорымъ учаща, и мешаду, по кошорой учаща.

Первая и самая низшая степень состоитъ въ нравственней добротѣ, при кошорой просшая, Богу покоренная, воля чистымъ возбужденіемъ, — которое возбужденіе есть самъ Хришосъ, въроу возпріаший, — руководствуется къ добру. Средства, духомъ сего Училища употребляемая, называюща *Внушенія*, или *Вдохновенія*.

Вторая степень состоитъ въ просвѣщеніи разумномъ, чрезъ кошорое добродѣтельный и съ Богомъ соединенный человекъ увѣнчивается умъ свой Премудростію и свѣтомъ познанія; и средства къ тому называюща *внутренними Просвѣщеніями*.

Наконецъ прешья и высочайшая степень есть совершенное опверсше внутренняго нашего чувствилища, чрезъ что внутренній человекъ достигаешъ до настоящаго созерцанія мешафизическихъ дѣйствив-

шельныхъ истинъ. На сей высочайшей степени вѣра переходитъ въ созерцаніе; и средства, употребляемыя къ сему Духомъ, суть истинныя *Видѣнія*.

Сіи-то суть три степени истиннаго Училища Премудрости внутренней свѣтоносной Церкви. Тотъже Духъ, который творитъ человѣковъ способными къ сей Церкви, сообщаетъ и степени сіи, по мѣрѣ содѣйствія ихъ.

Сіе Училище Премудрости было всегда тайнѣйшее и сокровеннѣйшее въ мірѣ; ибо всегда было невидимо, и подчинено единственно Божескому правленію.

Никогда не было оно подвержено непостоянству времени и немоци человѣческой; ибо всегда въ оное избирались только самые способнѣйшіе; и Духъ, избравшій ихъ, не могъ обмануться въ выборѣ.

Изъ сего Училища произрастали отрасли всѣхъ высокихъ наукъ, которыя, бывъ приняты внѣшними

училищами, преобразены въ другія формы, и часто были обезображиваемы.

Сіе внутреннее общество Мудрыхъ, по временамъ и обстоятельствомъ, сообщало всѣмъ наружнымъ обществамъ образовательныя свои Іероглифы, дабы наружныхъ челоуковъ сдѣлать внимательными къ великимъ истинамъ внутренняго.

Но всѣ наружныя общества продолжались только до тѣхъ поръ, пока сіе внутреннее сообщало имъ своего духа. Какъ же скоро замыслили они сдѣлаться независимыми отъ внутренняго, и Храмъ Премудрости преворить въ политическое зданіе: то внутреннее отъ нихъ отсавало, и они отсавались только бездушною буквою.

Такимъ образомъ всѣ внѣшнія тайныя училища Премудрости были только изъ Іероглифовъ вышканныя завѣсы: самая же истина скрывалась всегда во Свящилищѣ, дабы не бышь оскверненною.

Въ семѣ внутреннемъ обществѣ находишь челоуѣкъ Премудрость, и съ нею все; — не мудрость міра, кошорая естъ шолько знаніе безъ Премудрости; — кошорая бродитъ шолько около внѣшней оболочки и никогда не касается ценшра, всѣ силы въ себѣ содержащаго: — шамѣ находяшь истинную Премудрость, и людей, ей посвященныхъ, — людей лучшихъ въ семѣ мірѣ; шамѣ находяшь мудрыхъ, добрыхъ челоуѣковъ, а не гордыхъ Ученыхъ.

Всѣ споры, всѣ распри, всѣ предметы ложной мірской мудрости, всѣ странныя ученія, суешныя мудрованія, несчастныя порожденія мнѣній, засѣвающихъ сѣмена раздора; всякія заблужденія, секшы и системы не перескупають за прагъ сего Храма. Тамѣ не найдешь ничего ни безчестнаго, ни бездѣльнаго; каждый челоуѣкъ шамѣ почтенъ; сашира, остроуміе, шполь часто роскошешествующія на счетѣ другихъ,

тамъ не извѣстны, а извѣстна одна любовь.

Злословіе — сіе чудовище міра! — никогда между друзьями Премудрости не воздымаешъ змѣиной главы своей; — щадишь и любишь, одни слова здѣсь извѣстныя! Здѣсь не смѣюшся надъ недоспашками, не дѣлаюшъ горькихъ упрековъ за прощупки, бережно и съ любовію ведущъ по пуши истины; — щашся убѣдишь, пронушь, а наказаніе предосшавляюшъ яснѣйшему познанію и свѣшу; — здѣсь вспомошесшвуюшъ нуждамъ, подкрѣпляюшъ слабосшь, и радушся о успѣвающимъ и о високомъ его досшойнствѣ.

Счасшіе, даръ случая, не возвышаешъ здѣсь одного надъ другимъ; — шомъ почишаешъ себя счасшливѣйшимъ, кшо имѣешъ случай благошворишь другому.

И всѣ сіи челошѣки, соединенные шокмо духомъ любви и истины, сосшавляюшъ невидимую Церковь, Общесшво невидимаго царшвія вну-

пренняго подѣ единымѣ Настояше-
лемѣ, кошорый естѣ самѣ Богѣ.

Подѣ симѣ обществомѣ не дол-
жно предсшавлять себѣ какое ни-
будь тайное собраніе, кошорое въ
извѣстное время собираешся, изби-
раешѣ своихѣ начальниковѣ и сочле-
новѣ, и предполагаешѣ себѣ какую
либо особенную цѣль. Всѣ обще-
ства, какія бы они ни были, дол-
жны усшупишѣ сему внутреннему
обществу въ мудрости. Оно не
знаешѣ никакихѣ обрядовѣ, кошорые
сущѣ швореніе внѣшней оболочки,
швореніе человѣческое: въ царствѣ
силѣ всѣ наружныя формы исче-
заютѣ.

Самѣ Богѣ естѣ непремѣнный
Глава онаго. Лучшій изѣ человѣковѣ
шого времени естѣ первый Намѣ-
стникѣ его. Онѣ не знаешѣ самѣ
всѣхѣ своихѣ членовѣ; но естѣли,
по намѣреніямѣ Божескимѣ, надобно
будешѣ ему узнать ихѣ: шо въ
шужѣ минушу онѣ вѣрно находитѣ

ихъ въ мірѣ гошовыми содѣйство-
вашь къ предназначенной цѣли.

Въ семъ обществѣ нѣтъ ника-
кихъ наружныхъ опличій. Кто упо-
требляется къ дѣйствованію отъ
Бога, тотъ и есть первый; являешся
другимъ безъ надменности, и прие-
млешся ими безъ зависти. Еслили
же нужно бываешъ истиннымъ со-
членамъ собрашся: то они без-
ошибочно находятъ и узнаютъ другъ
друга, и подлога шупъ бышъ не
можетъ; никакая маска лицемѣрія,
никакое пришествіе не скроешъ
характерическихъ чертъ сего Обще-
ства: ибо свойства сіи слишкомъ
оригинальны, чшобы къ нимъ под-
дѣлашся было можно; личина шупъ
сдираешся, и все являешся въ пря-
момъ своемъ видѣ.

Никакой сочленъ не можетъ из-
брашъ другаго: избраніе сіе предо-
стлавляешъ себѣ Духъ всѣхъ. Всѣ
человѣки къ сему призываюшся, и
званные могутъ бышъ избранными,
еслили они ко входу сюда созрѣютъ.

Входа сюда искашь всякъ можешъ, и находящійся во внутреннемъ можешъ научить другаго, какъ искашь онаго: но пока кшо не созрѣлъ, не можешъ войти во внутреннее.

Незрѣлые чловѣки внесли бы въ общество безпорядокъ, а безпорядокъ во внутреннемъ неперпимъ; оно опшвергаетъ все не свойшвенное, не однородное.

Мірская мудрость щещно допытываешся сего внутренняго, хитрость щещно доискиваешся сокрытыхъ въ ономъ таинствѣ: для шого, кшо не дозрѣлъ, все іероглифъ; онъ не можешъ во внутреннемъ ни видѣть, ни чишати.

Но созрѣвшій примыкаешся къ цѣпи сей; всшупаетъ во внутреннее, и можешъ быть шогда, когда самъ о томъ не вѣдаешъ.

Старашся созрѣть должно быть рабошою Любишеля Премудрости. Есть также и средства къ созрѣванію.

Въ семѣ. внутреннемъ Обществѣ храняшся всѣ первоначальныя знанія человѣческаго рода, всѣ первоначальныя науки; оно одно имѣетъ ключъ ко всѣмъ тайнамъ, и знаетъ внутреннее Натуры и шворенія; оно есть такое общество, которое примыкается къ вышнимъ силамъ, и членами своими счищаетъ жителей не одного міра; оно есть такое общество, которое сочлены образуютъ Теократическое (Богомъ правимое) Правительство, которое нѣкогда будетъ центромъ Правительствъ всего міра.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

Истина, скрывающаяся во внутреннѣйшемъ шайнствѣ, подобна солнцу. Орлиному только оку, просвѣщенному шокмо уму, дозволяешся взирать на нее: глаза всякаго другаго смершнаго ослѣпляются ею, и во свѣшѣ обѣемлешъ его шьма. Великое *Мѣсто*, скрывающееся во внутреннѣйшемъ свяшыхъ шайнствѣ, никогда не было сокрыто опѣ орлиного взора Свѣшоспособнаго.

Богъ и Нашура не имѣютъ никакихъ шайнъ для чадъ своихъ. Тайна заключаешся шокмо въ нашей немощи, неспособной сносить свѣшѣ, и неугошованной къ цѣломудренному взору на нагую истину.

Сія наша немощь ешъ Облако, покрывающее Свящидище; она ешъ

*

завѣса, заграждающая входъ во Свя-
шя Свяшыхъ.

Но дабы человекъ могъ паки
пріобрѣсть пошерянный свѣтъ, по-
шерянную силу, пошерянное досто-
инство свое: то любобильный Богъ
снизшелъ къ слабости тварей сво-
ихъ, и написалъ внутреннія вѣчныя
испины и тайнства на внѣшности
вещей, дабы человекъ могъ паки по-
лучишь букву, и чрезъ нее возне-
сись къ духу.

Сіи буквы суть внѣшніе обряды
религіи, копорая ведешъ ко внутреня-
нему, дѣятельному, живому духу воз-
соединенія съ Богомъ.

Такіяже буквы суть и Іерогли-
фы въ Мистеріяхъ, чершежи и обра-
за внутреннихъ свяшыхъ испинъ,
скрывающихся за сею Іероглифи-
ческою завѣсою, предъ Свящилищемъ
проспершою.

Религія и Мистеріи, давъ другъ
другу руку, взаимно спомоществу-
юшъ себѣ въ приведеніи человекъ,
бращевъ нашихъ, къ единой испи

нѣ. Обоя имѣють цѣлю обращеніе наше и обновленіе сущесва нашего; обоя старающа о возстановленіи Храма, въ коемъ бы обитали Премудрость съ Любовію, или Богъ съ человекомъ.

Но и Религія и Мистеріи были бы безполезныя устанавленія, ешьли бы Божество не даровало имъ истинныхъ и дѣйствительныхъ средствъ къ досиженію великой ихъ цѣли.

Сіи средства всегда скрывались во внутреннѣйшемъ Свящилищѣ. Мистеріи служатъ къ сооруженію Храма Религіи; а Религія къ соединенію въ ономъ человекомъ съ Богомъ.

Вотъ сколь велика Религія, и какого высокаго достоинства Мистеріи всѣхъ временъ!

Оскорбительно было бы для васъ, Сердечно-возлюбленные Братья! ешьли бы мы возмнили, что вы когда либо на свяшыя таинства взирали не изъ сей почки зрѣнія, представляющей ихъ единственнѣйшимъ сред-

ешвомъ къ сохраненію въ чистотѣ и истинѣ ученія важнѣйшихъ истинъ о Богѣ, Натурѣ и человекѣ, облеченныхъ во свяшый прообразовашельный языкъ; важнѣйшихъ истинъ, копорыя, бывъ по временамъ предлагаемы на обыкновенный человекскій языкъ между непросвѣщенными, дѣлались всегда шемнѣе и невразумительнѣе.

Мистеріи, какъ вамъ извѣстно, нѣжно-возлюбленные Братья! обѣщающъ тайнства, копорыя были и будутъ всегда наслѣдіемъ немногихъ шокмо человекѣвъ; тайнства, копорыя не продаются, ни съ кафедры публично не проповѣдуются; тайнства, къ копорымъ способно шолько сердце, стремящееся къ Премудрости и Любви, и въ копоромъ Премудрость и Любовь уже возбуждены.

Въ комъ возгорѣлось сіе священное пламя, шомъ истинно счастливъ, всѣмъ доволенъ, и въ неволѣ свободенъ. Онъ видишь причину чело-

вѣческихъ развращовѣ, и знаетъ ихъ неизбѣжность ; никакого пресупника не ненавидишь, а сожалѣешь о немъ ; стараешься поднять падающаго, исправишь заблуждающаго, не погашаешь курящейся свѣщильни, не сокрушаешь преломленной проси ; ибо чувствуешь, что при всей изпорченности, въ цѣломъ ничто еще не изпорчено. Онъ разсмащриваетъ прямымъ взоромъ испину всѣхъ системъ религій въ первомъ ихъ основаніи, знаетъ источники суевѣрія и невѣрія, какъ измѣненія истины, не получившей еще вездѣ равномерности.

Мы увѣрены, Достойнѣйшіе Братья ! что изъ сей почки зрѣнія разсмащриваете вы Миссика, и не приписываете въ вину царсшвенной его наукѣ то, что частная опрометчивость нѣкошорыхъ, по временамъ и обшояшельсшвамъ, шворила.

По симъ положеніямъ, кошорыя совершенно наши, разсмащривать вы будете религію и шайнсшва свя-

тыхъ Училищъ Премудрости, яко сеспрѣ, кошорыя, держа другѣ друга за руку, старались всегда о благоу всеѣхъ человекѣ, съ самой шой минушы, какѣ онѣ сдѣлались нужными.

Религія раздѣляется на внѣшнюю и внутреннюю. Внѣшняя имѣетъ предметомъ Богослуженіе и обряды, внутренняя поклоненіе духомъ и истиною.

Равно и Училища Премудрости раздѣляются на внѣшнія и внутреннія: внѣшнія обладають буквою Іероглифовъ, внутреннія духомъ и смысломъ.

Внѣшняя религія соединяется съ внутреннею чрезъ обряды: внѣшнее училище Мистерій соединяется съ внутреннимъ чрезъ Іероглифы.

Но мы приближаемся къ тому времени, когда духъ оживотворишь букву; облако, покрывающее Святилище, исчезнетъ; Іероглифы перейдутъ въ видимость, а слова въ смыслъ.

Мы приближаемся къ тому времени, въ которое великая завѣса, скрывающая Святая Святыхъ, раздерется; чиншель святыхъ таинствъ будетъ извѣсняться не внѣшними уже словами и знаками, а духомъ словъ и истиною знаковъ.

Равно и Религія не будетъ болѣе наружнымъ только обрядомъ: но внутреннія святыя таинства перейдутъ въ наружное Богослуженіе, дабы пригостовить человѣковъ къ поклоненію Богу духомъ и истиною.

Скоро исчезнетъ мрачная ночь образовательнаго языка; свѣтъ породитъ день, и священный мракъ таинствъ предстанетъ въ сіяніи высочайшей истины.

Пути свѣта угошованы для Избранныхъ и Свѣтоспособныхъ; свѣтъ Натуры, свѣтъ Разума, и свѣтъ Откровенія соединятся.

Преддворіе Натуры, Храмъ Разума и Свящилище Откровенія сославятъ одинъ Храмъ. Такъ совершится великое оное строеніе, состоя

щее въ соединеніи челоѡѡка съ Нашурою и Богомъ.

Соѡершенное познаніе челоѡѡка, соѡершенное познаніе Нашуры, соѡершенное познаніе Бога будущъ свѣшилниками вождямъ челоѡѡчества, дабы брательнъ ихъ, челоѡѡковъ, препровождать ошвсюду съ темныхъ душей предразсудковъ къ чистому разуму, и со спезей бурныхъ спрасшей къ спокойнымъ душамъ самопреданія и добродѣтели.

Вънцемъ Владыкъ міра будешъ разумъ, скинеспромъ дѣятельная любовь; а Свящилище дастъ имъ помазаніе и силу къ освобожденію умовъ людскихъ ошъ предразсудковъ и шьмы, сердецъ ошъ спрасшей самолюбія и своекорыстія, и физическаго ихъ бгтія ошъ ушѣснительной бѣдности и удручительной болѣзни.

Мы приближаемся къ царешву Истины и Любви, къ царешву самаго Бога, Источника свѣша. — Брательнъ свѣша! Одна шолько естъ религія, коей единственна истина раздѣ-

лилась во всѣ религіи, какъ въ вѣшьяхъ, дабы изъ множественности привесъ паки въ одну религію.

Сыны Испины! Одинъ только Орденъ, одно сообщество, одинъ союзъ единомысленныхъ, свѣтоспособныхъ, чрезъ который можно достигать свѣта, изъ средоточія коего неразуміе воздвигло безчисленное множество Орденовъ, думая обратишь всѣхъ отъ множественности мнѣній къ единственной истинѣ и истинному союзу, который есть союзъ Свѣтоспособныхъ, или сообщество Избранныхъ.

По сему разбѣру должны измѣряемы бытъ всѣ религіи и человѣскіе союзы. Множественность находящаяся въ обрядахъ внѣшняго: истина же одна, и есть только во внутреннемъ.

Множество сообществъ зависящихъ отъ множества толковъ на Иероглифы, по временамъ, нуждамъ и обстоятельствомъ: истинное же Свѣтосное общество должно бытъ одно.

Все внѣшнее есть буква, различивающаяся непрестанно: но единичность духа во внутреннемъ никогда не перемѣняется и не ослабѣваетъ.

Буква была нужна; мы должны были научишься найти ее, сложить ее и прочесть, дабы паки доспигнуть внутреннего смысла и духа.

Всякія заблужденія, всякія расколы, всякіе кривые толки, и все, что въ религіяхъ и тайныхъ обществахъ подало поводъ къ столь многимъ заблужденіямъ, принадлежатъ къ буквѣ: духъ же всегда оставался неприкосновенъ и святъ. Все касалось наружной завѣсы, на кошорой написаны были Іероглифы, обряды и чиноположенія: до внутреннего же ничто не касалось.

Все, что заблужденіе, недоразумѣніе, своекорыстіе и алчность во зло употребили, было только наружное, что на коврѣ, что на завѣсѣ было начертано: но что за завѣсою было, то осталось чисто и свято.

Нынѣ настаетъ время совершенства ищущихъ свѣта, Свѣтоспособныхъ, Избранныхъ.

Настаетъ время, въ которое вѣшное съ новымъ, внѣшнее со внутреннимъ, верхнее съ нижнимъ, сердце съ разумомъ, человекъ съ Богомъ соединяется; и сія эпоха предославлена нынѣшнему столѣтію.

Не спрашивайте, Возлюбленные Братья! для чего нынѣшнему столѣтію?

Всему есть свое время между существами, заключенными во времени и пространствѣ. Таковы непремѣнные законы Премудрости Божіей, все учреждающей къ гармоніи и совершенству.

Избранные должныствовали прежде попрудиться въ снисканіи Премудрости и Любви, дабы заслужить ту силу, которую неизмѣняющееся Божество даетъ только мудрому и любящему.

Въ ночи ожидаемъ мы утра; на востокѣ возходитъ солнце и вслу-

паешѣ въ ясный полдень, гдѣ всякая тѣнь ошѣ прямыхъ лучей его исчезаетъ. Такъ сперва долженъ шво-вала бышѣ буква истины; попомѣ пришелѣ практической Исполкова-шель, сама Истина; за симѣ только можешѣ прийти Духѣ истины, утверждающій истину и налагающій на свѣшѣ свою печать. Кто способенѣ понимать истину, томѣ насѣ поймешѣ.

Кѣ вамѣ, сердечно — возлюбленные Братья, постоянно стремившіеся кѣ истинѣ, и сохранившіе вѣрно Иероглифы свяшихъ тайнствѣ во Храмѣ ихѣ! Кѣ вамѣ обращается первый лучъ свѣша, проникающій сквозь облака тайнствѣ, дабы возвѣсшилъ вамѣ приближеніе полудня, и сокровищѣ, кои онѣ сѣ собой приносишѣ.

Не спрашивайте: кто таковы пишущіе кѣ вамѣ? Смотрите на духѣ, а не на букву; на вещь, а не на лицо.

Не корыстолюбіе, не высокомеріе, не неблагородное какое намѣре-

ніе владычествуетъ во дворахъ нашихъ. Мы вѣдаемъ цѣль назначенія человѣческаго; и свѣтъ, насъ освѣщающій, учреждаетъ всѣ наши поступки.

Мы именно призваны писать къ вамъ, во свѣтъ возлюбленные Братья! и порукою нашего званія сушь истинны, коими мы обладаемъ, и копорыя, при малѣйшемъ мановеніи вашемъ, будемъ сообщать вамъ, по способностямъ вашимъ.

Сообщительность свойственна свѣту, гдѣ свѣтъ пріемлется и гдѣ къ принятію его способность находится. Но никогда насильно онъ не вѣдряется, а ожидаетъ спокойнаго принятія.

Воля наша, цѣль наша, званіе наше то, чщобы повсюду оживлять мершвую букву; повсюду давать Іероглифамъ духъ, а бездушнымъ знакамъ живую истину; повсюду дѣлать недѣйствующее дѣйствующимъ и мершвое живымъ: но все сіе можемъ мы не сами собою, а

свѣтомъ Духа Того, Который естъ Премудрость, Любовь и Свѣтъ міра, и который хочеть содѣлаться духомъ и свѣтомъ и вашимъ.

Донынѣ внутреннѣйшее Свящилище ошлучено было отъ Храма, и Храмъ подверженъ былъ нападеніямъ отъ находившихся въ Преддворіяхъ. Теперь настаетъ время, когда самое внутреннѣйшее Свящилище паки соединится съ Храмомъ, дабы сущіе во Храмъ могли дѣйствовать на живущихъ въ Преддворіяхъ, пока Преддворія не изпровергнутся.

Въ нашемъ Свящилищѣ, скрывающемся во внутреннѣйшемъ, всѣ тайнства Духа и Истины сохранены невредимо; они и не могли никогда бытъ искажены нечестивыми, ни осквернены нечистыми.

Сіе Свящилище невидимо, какъ сила, только по дѣйствию познаваемая.

Изъ сего краткаго начертанія вы узнаете, Любезные Братья! кто мы таковы; и излишне было бы

удосповбряшь васъ, что мы не избъ числа шбхъ безпокойныхъ головъ, кошорыя хошяшъ учредишь въ гражданскомъ обществѣ мечту своей фаншазіи; — не принадлежимъ также и къ шбмъ, кошорые желяюшъ играшь въ мірѣ важную роль и оббщаюшъ чудеса, коихъ сами не знаюшъ; — ни къ шбмъ, кошорые по неудовольствіямъ хошблн бы опмсшишь нбкошорымъ сосшояніямъ, или кошорые имбюшъ цблію властолюбіе, нелбпосши и сумасбродство.

Мы можемъ васъ увбришь, что мы не принадлежимъ ни къ какой секшб и ни къ какому обществу, кромб великаго и испиннаго общества всбхъ Свбшоспособныхъ; и что никакая особенная паршія, какая бы шо ни была, не имбешъ здбсь ни малбйшаго вліянія. Мы можемъ шолько увбришь васъ вброю и вбрносшю нашею, что мы внушреннбйшее Религїи и свяшыхъ Таинствб дбйствншельно знаемъ; и шо, что

во внутреннѣйшемъ оныхъ когда либо сокрытымъ предполагалось, дѣйствительно имѣемъ. И сіе-то самое обладаніе даетъ намъ силу удостоверить васъ въ званіи нашемъ, и вездѣ мершвому Іероглифу и буквѣ сообщить духъ и жизнь.

Сокровища нашего Свящилища велики. Мы имѣемъ смыслъ и духъ всѣхъ Іероглифовъ и обрядовъ, какіе только со дня шворенія до нынѣшнихъ временъ существовали, и внутреннѣйшія истины всѣхъ священныхъ книгъ, съ обрядными законами древнѣйшихъ народовъ, вѣдаемъ.

Мы обладаемъ Свѣтомъ, насъ помазующимъ, и чрезъ кошорый мы сокровеннѣйшее Нашуры разумѣемъ.

Мы обладаемъ Огнемъ, насъ питающимъ и дающимъ силу дѣйствовать на все, въ Нашурѣ сущее.

Мы обладаемъ Ключемъ, опирающимъ испочники шайншвѣ, и Ключемъ, запирающимъ рабочныя храмины Нашуры.

Мы обладаемъ Знаніемъ союза, соединяющаго насъ съ вышними мірами, и знаемъ шоны и вещи шѣхъ вышнихъ міровъ дѣлашь чувстввенными.

Все чудесное въ Нашурѣ покорено силѣ воли нашей, соединенной съ Божесшвомъ.

Мы обладаемъ Наукою почерпашъ идеи изъ самой Нашуры, въ коей нѣшъ заблужденія, а одна истина и свѣшъ.

Въ Училищѣ нашемъ всему научишься можно; ибо Учишель нашъ ешъ самъ Свѣшъ и его Духъ. Полноша вѣдѣнія нашего состоишъ въ знаніи союза Божесшвеннаго міра съ духовнымъ, духовнаго съ спихійнымъ, и спихійнаго съ машеріальнымъ.

Чрезъ сіи знанія мы можемъ разполагашъ духами, Нашурою, и сердцемъ человѣческимъ.

Науки наши суть обѣщанное наслѣдіе Избранныхъ, или Свѣшспособныхъ: а пракшика нашихъ наукъ

соспоишѣ въ исполненіи Божескаго завѣща съ сынами человѣческими.

Мы могли бы, Дражайшіе Братья! насказать вамъ чудеса о вещахъ, въ сокровищницахъ Свящилища скрывающихся, такъ что вы удивились бы и пришли отъ сего въ изумленіе. Мы могли бы насказать вамъ о такихъ вещахъ, отъ поняшія кошорыхъ самый глубокомысленнѣйшій философъ такъ далекъ, какъ земля отъ солнца, и къ кошорымъ мы такъ близки, какъ свѣтъ ко внутреннѣйшему всѣхъ существъ.

Но нѣтъ у насъ намѣренія возбуждать въ васъ любопытство. Только внутреннее убѣжденіе и жажда ко благу братьевъ нашихъ, человѣковъ, должны побуждать Свѣтоспособнаго къ шому Источнику, гдѣ жажда его къ Премудрости и гладъ къ Любви утолены бытъ могутъ.

Премудрость и Любовь обитаютъ во дворахъ нашихъ; здѣсь нѣтъ никакого принужденія: истинность прелестей ихъ есть волшебная наша сила.

Мы можемъ васъ увѣрить, что въ нашихъ внутреннѣйшихъ тайнствахъ скрывающа сокровища неописанной цѣны, закрытыя такою простотою, что для гордаго Ученаго пребудущъ они навсегда неприступными; — сокровища, которыя для многихъ непросвѣщенныхъ суть безуміемъ и соблазномъ, а для насъ суть и пребудущъ истинною Премудростію.

Благо вамъ, Братья! ежели вы сіи великія истины ощущаете! Возвращеніе прояскаго слова и силы его будетъ наградой вашею; блаженствомъ же вашимъ будетъ получить силу содѣйствовать къ соединенію человѣковъ съ человѣками, съ Натурою и Богомъ: — что и есть истинная работа всякаго зиждущаго, который не отвергъ краеугольнаго камня.

Теперь исполнили мы званіе наше и возвѣстили вамъ приближеніе самаго полудня и соединеніе внутреннѣйшаго Свящилища со Храмомъ:

прочее предоспавляемъ свободной
вашей волѣ.

Мы знаемъ, къ гореспному со-
болѣзнованію нашему, чшо какъ
Искупишель, пришедши къ намъ въ
убожествѣ, лично былъ не признанъ,
поруганъ и гонимъ: шакъ и Духъ
его, когда явился во славѣ, многими
будешъ опринутъ и презрѣнъ. Но
не смощря на шо, должно однакожъ
пришесшвіе Духа его возвѣсшишь
во Храмахъ, да сбудешся Писаніе:
,,Я сшучалъ у дверей вашихъ, и вы
,,мнѣ не ошворили; я звалъ, и вы
,,гласа моего не услышали; я при-
,,глашалъ васъ на бракъ, и вы заня-
,,лись другими дѣлами.

Миръ Свѣша и Его Духъ да будущъ
съ вами!!!

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Какъ неизчислимое множество чиселъ теряется въ одномъ числѣ, которое есть основаніе всѣхъ чиселъ, единица; и какъ неисчетные радіусы круга сходящіяся въ одинъ центръ: такъ и необозримыя тайны, Иероглифы и эмблеммы имѣютъ предметомъ одну только истину. Кто ее позналъ, тотъ нашелъ ключъ къ познанію всего вдругъ.

Единъ есть Богъ, одна истина, одинъ путь ведущій къ сей великой истинѣ, и одно средство найти ее.

Кто нашелъ сіе средство, тотъ получилъ съ онымъ

Всю Премудрость въ одной книгѣ,

Всѣ силы въ одной силѣ,

Всѣ красоты въ одномъ предметѣ,

Всѣ богатства въ одномъ сокровищѣ,

Всѣ блаженства въ одномъ благѣ:

А *сумма* всѣхъ сихъ совершенствъ есть Иисусъ Христосъ, распятый и воскресшій.

Хоша сія великая истина, какъ мы ее здѣсь представляемъ, есть предметъ Вѣры: однако она можетъ быть предметомъ и Науки и Опыта, естли мы спарашься будемъ научишья, какъ Христосъ всѣмъ симъ бышъ и учинишья можетъ.

Сія великая тайна всегда была предметомъ ученія въ тайномъ Училищѣ невидимой внутренней Церкви. Сіе ученіе въ первыя времена Христіанства извѣстно было подъ именемъ тайнственнаго ученія (*Disciplina arcana*); и изъ сего тайнственнаго Училища вышли всѣ обряды и чиноположенія наружной Церкви, хоша духъ сихъ великихъ и свяшыхъ истинъ скрылся во внутреннее, и въ нынѣшнія времена кажеш-

ся едва познается любящими одно наружное.

Давно предсказано, Любезные Братья, что въ послѣднія времена все тайное сдѣлается явно: но также предсказано и то, что въ сіи времена возстанутъ многіе лжепророки, и вѣрующимъ дана заповѣдь не всякому духу вѣровать; а испытывать духи, аще ошъ Бога сущъ. *1. Иоан.* Гл. IV. ст. 1. и слѣд.

Какъ же сіе испытывать, о томъ говоритъ самъ Апостолъ. Ежели какой духъ признаетъ Иисуса Христа во плоти пришедшимъ: то онъ ошъ Бога: а кошорый Иисуса раздѣляетъ, то есть ошдѣляетъ Его Божество ошъ человечества, тошъ не есть ошъ Бога.

И такъ Духъ Истины, Любезные Братья, испытывается симъ, и получаетъ печать Божественности, когда исповѣдуетъ Христа, во плоти пришедша.

Мы исповѣдуемъ, что Христосъ пришелъ во плоти, и пошому Духъ

Истины говоритъ чрезъ насъ. Но шайна пришествія Христова во плоти весьма обширна, и заключаетъ въ себѣ познаніе всего Бого-человѣческаго, которое мы теперь избираемъ предметомъ нашего поученія.

Какъ мы говоримъ не съ новичками уже въ дѣлахъ Вѣры: то для васъ, Любезные Братья, тѣмъ легче будешъ понимать высокія истины, кои мы вамъ предложимъ намѣрены, что вы, безъ сомнѣнія, разные предуготовительныя предметы часшо уже избирали цѣлю священныхъ вашихъ размышленій.

Религія, взятая за науку, есть ученіе о возсоединеніи разлученнаго человѣка съ Богомъ; и пошому единственная цѣль ея сосшоитъ въ томъ, чтобы каждый членъ рода человѣческаго, а наконецъ и все человѣчество соединить съ Богомъ: въ кошоромъ соединеніи единственно человекъ могутъ ожидать высочайшаго временнаго и духовнаго блаженства, и онымъ наслаждаться.

И такъ сіе ученіе о возсоединеніи естѣ высочайшей цѣны; и велику оно естѣ наука: но необходимо оно должно имѣть и свой образъ ученія, или свою *методу*, чрезъ что бы

Во 1 вело оно насъ къ познанію истиннаго средства возсоединенія, и

Во 2 по узнаніи сего средства научало бы насъ самому способу, какъ употреблять сіе средство сообразно съ цѣлію.

Сего великаго средства возсоединенія, на которое обращается все ученіе Религіи, человекъ никогда не узналъ бы безъ Откровенія. Оно находилось всегда внѣ круга учебныхъ знаній; и самое глубокое невѣжество, въ какое человекъ погрязъ, сдѣлало необходимымъ Откровеніе, безъ котораго мы никогда бы не нашли путей къ возвращенію.

Изъ Откровенія произошла необходимостъ *вѣрити* Откровенію; ибо не знающему и не испытавшему необходимо надобно сперва повѣришь,

чшобѣ узнать и испытать вещь; пошому чшо когда нѣшѣ вѣ насѣ вѣры, шо мы мало забошимся обѣ Ошкровеніи, и сами себѣ заграждаемѣ пушь кѣ ошкрышію средсшва, вѣ единомѣ шокмо Ошкровеніи содержашагося.

Ошкровеніе и Вѣра содержашся между собою шакѣ, какѣ вѣ Нашурѣ дѣйсшвіе и воздѣйсшвіе.

Гдѣ нѣшѣ воздѣйсшвія, шамѣ необходимо дѣйсшвіе пресшашѣ. Гдѣ нѣшѣ Вѣры, шамѣ не можно бышѣ Ошкровенію. Но чѣмѣ болѣе Вѣра, шѣмѣ болѣе Ошкровеніе, или ошкрышіе ишпінѣ, во мракѣ соккрышыхѣ, и шолько чрезѣ довѣріе наше разкрышѣся могушихѣ.

Хошя правда всѣ шайншвенныя ишшны Религіи, и самыя шемнѣйшія и спранными намѣ кажущіяся Мисшеріи, нѣкогда предѣ судилищемѣ самага спрожайшаго разума оправдашся: однакожѣ немошь челошѣская и недосшашокѣ нашего проищанія вѣ разсужденіи всей связи

чувственой Натуры съ духовною, сдѣлали необходимымъ, что высочайшія истины посщепенно только могутъ бытъ намъ показаны и открыты. Священный мракъ таинствъ находится только для немощи нашей: такъ какъ и ясный свѣтъ ихъ для тогожъ, дабы немощь нашу мало по малу укрѣпишь, и око наше приучишь къ зрѣнію полного свѣта.

Вѣрующій, возходя къ открыченію, на каждой ступени получаетъ вышній свѣтъ познанія, и сей свѣтъ также посщепенно дѣлаешся для него удостовѣрительнѣе; ибо каждая постигнутая истина Вѣры мало по малу дѣлаешся живою и переходитъ въ удостовѣреніе.

И такъ Вѣра основывается на немощи нашей и на ясномъ свѣтѣ Открыченія, который, сообщаясь намъ, долженъ соразмѣряться съ нашею способностію, дабы посщепенно доставишь намъ видимость вещей вышнихъ.

Предмети, кѣ зрѣнію которыхъ разумъ человѣческой никакой способности не имѣетъ, необходимо должны соспояшь въ области Вѣры. Человѣкъ долженъ шокмо благоговѣшь и молчашъ; есшьли же захочетъ доказывашъ шакія вещи, о которыхъ понятія не имѣетъ: то необходимо впадетъ въ заблужденіе. Благоговѣшь и молчашъ человѣкъ долженъ, пока предметы, въ мрачной области Вѣры скрывающіеся, мало по малу вокругъ его проясняшся и сдѣлающся познавашельнѣе. — Какъ же скоро мы получимъ внутренніе опышы истинѣ Вѣры, и переведемся ошъ Вѣры кѣ зрѣнію: шогда все само себя докажетъ.

Во всѣ времена были Богопросвѣщенные мужи, которыхъ сіе внутреннее зрѣніе Вѣры имѣли, совершенно ли, или ошъ части, по мѣрѣ сколько сообщеніе истинѣ Вѣры переходило въ умъ, или чувшво. Сей родъ умозрѣнія названъ Божешвеннымъ Просвѣщеніемъ, вшоричнымъ

Божескимъ вглаголаніемъ. У многихъ внутреннее чувствилище совсѣмъ открывалось даже до созерцанія, посредствомъ кошораго имбли они Божественныя сверхчувственныя видѣнія, кои назывались восхищеніями, или восторгами; пошому чшо разкрывшееся внутреннее чувствилище превозмогало наружное чувственное.

Но шаковые люди были всегда неизбяснимою загадкою для чувственного человека, да; и должны пребыть для него загадкою; ибо онъ для сверхчувственного и сверхъестественнаго не имѣетъ чувства. И пошому ни мало не удивительно, чшо многихъ, прозрѣвшихъ далѣе въ духовный міръ, назвали мечшашелями, фанатиками, или и совсѣмъ сумасшедшими: ибо общее сужденіе людей основывается шолько на шомъ, чшо чувства даюшъ имъ понимать. Пошому въ св. Писаніи весьма ясно сказано: чшо чувственный человекъ не понимаетъ шого,

что духовно. Ибо какъ духовное его чувство для сверхчувственного міра въ немъ еще не раскрылось: то необходимо онъ долженъ имѣть столь же мало понятія о семъ мірѣ, сколько слѣпой о цвѣтахъ.

И такъ наружный чувственный человекъ потерялъ сіе внутреннее и важнѣйшее чувство, или лучше сказать не радишь о сокрытой въ немъ способности къ раскрытію сего чувства, не чувствуешь ея, и слѣдовательно онаго не открываетъ.

И пошому чувственные человекъ вообще духовно слѣпы. Внутреннее ихъ око закрыто, и сія слѣпота есть еще слѣдствие наденія перваго человекъ. Тѣнное вещество, покрывшее его, закрыло внутреннее духовное его око, и отъ того онъ сталъ слѣпъ для зрѣнія внутреннихъ міровъ.

Сугубо несчастенъ человекъ! Не только носишь онъ повязку на глазахъ, закрывающую отъ него познание вышнихъ истинъ: но и самое

сердце его помишся въ узахъ плоти и крови, лишающихъ его вышняго духовнаго удовольствія, и приковывающихъ его къ скопскимъ чувственнымъ наслажденіямъ. Такимъ образомъ мы находимся въ неволѣ у похотѣнія, подѣ власшію ширасивующихъ спрасшей, и, какъ бѣдный изувѣченный, храмлющій на обѣцаніи, съ трудомъ шащимся на двухъ хилыхъ костыляхъ нашуральнаго нашего разума и нашуральнаго чувства. Топъ ежедневно выдаетъ намъ блескъ за истину; а сіе ежедневно заставляешъ насъ избирать зло вмѣсто добра. Толь бѣдственно наше состояніе!

Человѣки тогда только могутъ быть счастливыми, когда спадешъ съ глазъ ихъ повязка, заграждающая истинный свѣтъ; тогда только будутъ счастливы, когда разорвуться невольническія узы, опягчающія ихъ сердце. Слѣпой долженъ начать видѣть, хромоу ходить, дабы быть счастливыми. Великій, но и спра-

и́нный законъ, ошъ кошораго неми-
нуемо зависишъ блаженство человѣ-
ческое, ешъ слѣдующій: *Разумъ
твой да господствуетъ надъ стра-
стями твоими!*

Нѣсколько уже вѣковъ люди спа-
раюшся сдѣлать другъ друга разум-
нѣе и благонравнѣе: но что прине-
сло все долговременное наше спара-
нiе? Слѣпые хошяшъ водить слѣпыхъ,
хромые хромыхъ, и при всѣхъ глу-
посшяхъ, нами надѣланныхъ, при
всей бѣдноти, какую мы на себя
навлекли, не видимъ мы еще и шого,
что мы ничего не можемъ, и имѣемъ
нужду въ вышней силѣ, дабы выш-
ши изъ сей бѣдноти.

Предразсудки и заблужденiя изъ
вѣка въ вѣкъ смѣняли шолько другъ
друга; пороки и злодѣянiя измѣня-
лись шолько, а не истреблялись въ че-
ловѣчествѣ. Слепошествоующій разумъ
въ каждомъ вѣкѣ бродилъ ощупью
въ пошмахъ; страшное сердце
въ каждомъ шолѣши осшавалось
шоже.

Одинъ только изцѣлитъ насъ можешъ; одинъ только въ состояніи раскрыть внутреннее наше око къ узрѣнію истины; одинъ только можешъ снять съ насъ цѣпи, шягопящія насъ и дѣлающія невольниками чувстввенности.

Сей одинъ есть Хришоъ, Искупительъ человекъ, Искупительъ и по шому, что онъ хочешъ изхити насъ изъ всѣхъ слѣдствій, въ кошорья слѣпоша натуральнаго нашего разума и блужденіе спрашнаго сердца насъ звергли.

Ввесьма немногіе человекъ, Любезные Бршья, имѣюшъ истинное и прямое поняшіе о великости искупленія человекскаго. Многіе вѣряшъ только, что Хришоъ Господь пролишою имъ кровію искупилъ насъ отъ осужденія, или вѣчнаго ошлученія отъ Бога; но не вѣряшъ, что онъ хочешъ еще и здѣсь освободитъ Своихъ отъ всякія бѣдности.

Хришоъ есть Избавительъ міра, Исшребительъ человекской бѣдности, искупившій насъ отъ смерти и грѣ-

ха. Но какъ бы Онъ былъ шаковымъ, естля бы мiръ долженствоваль всегда поминься во шьмъ неразумiя и въ оковахъ еспрашей? Весьма ясно предсказано о семъ еще у Пророка, что придетъ время искушенiя народа Его, оная первая суббота временъ. Давно могли бы мы узнать сiе ушъшельное обшпованiе: но недосташокъ въ истинномъ познанiи Бога, чело-вѣка и Нашуры причиною, что сiя великiя истины вѣры еще ошъ насъ сокрышы.

Надобно знать, Братья мои, что Нашура двойка: чисшая, духовная, бессмертная, неразрушимая, и нечисшая, машерiальная, смертная, разрушимая.

Чисшая неразрушимая Нашура была прежде нечисшой разрушимой. Сiя послѣдняя получила свое бышiе ошъ расстройства и неравновѣсiя сущношей, сосшавляющихъ неразрушимую Нашуру: слѣдовашельно до шѣхъ шолько поръ она и продолжашься можетъ, пока расстройство и неравновѣсiе не уничтожашься, и

пока все не приведется паки въ гармонію.

Неправильное понятіе о духѣ и матеріи есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по чему многія истины Вѣры представляются намъ не въ истинномъ ихъ свѣтѣ.

Духъ есть существо, совершенная подлинность; и пошому свойства его суть неразрушимость, равнообразіе, проникаемость, недѣлимость, продолжительность.

Матерія не есть существо, а сосшавъ; и пошому разрушима, дѣлима и перемѣнъ подвержена.

Метанафизическій міръ есть дѣйствительно существующій, чистый, неразрушимый міръ, коего центръ называемъ мы Христомъ, а жишелей знаемъ мы подъ именемъ Духовъ и Ангеловъ.

Материальный, физическій міръ есть міръ явленій, или міръ кажущійся. Онъ не имѣетъ совершенной истины; а все, называемое здѣсь истиною, есть шолько относительно

исстина, шѣнь иощины, а не самая
исстина; все вѣ немѣ ещѣ шолько
явленіе, феноменѣ.

Разумѣ нашѣ заимсшвуетѣ здѣсь
всѣ свои поняшїя ошѣ чувсшвенности,
и пошому они безжизненны, мершвы.
— Все получаемѣ мы ошѣ наружной
видимости предметовѣ и разумѣ
нашѣ походитѣ на обезьяну, кошо-
рая перенимаешѣ шолько шо, что
Нашура ей предсшавляетѣ. И шакѣ
одинѣ чувсшвенный свѣшѣ ешѣ здѣсь
началомѣ нашего разума: побужде-
ніемѣ воли нашей ешѣ чувсшвен-
ность, — склонность кѣ скошскимѣ
пошребностямѣ и кѣ удовольсшвова-
нію ихѣ. Хошя же мы и оощуцаемѣ
нужду вѣ вышнемѣ побужденїи: но
до сихѣ порѣ не умѣли мы ни искашѣ,
ни сыскашѣ его.

Здѣсь, гдѣ все шлѣбно, не воз-
можно найши ни начала разума, ни
начала нравсшвенности, ни побуди-
тельной силы воли: надлежитѣ по-
лучишѣ намѣ оное изѣ вышняго мїра.

Тамъ, гдѣ все чисто, гдѣ ничто не подвержено разрушенію, царствуетъ Существо, кошорое естъ все Премудрость и Любовь, и кошорое чрезъ свѣтъ своея Премудрости можешъ содѣлаться для насъ истиннымъ началомъ разума; а чрезъ теплоту любви своей истиннымъ началомъ нравственности. И міръ не будешъ и не можешъ бытъ счастливымъ дошолъ, доколѣ сіе истинное Существо, кошорое естъ вкупѣ Премудрость и Любовь, не будешъ совершенно принято человѣчествомъ, и не учинишя въ ономъ *все во всеміѣ*.

Человѣкъ, любезные Братья, сложенъ изъ неразрушимаго метафизическаго и разрушимаго матеріальнаго существа; но такъ, что здѣсь разрушима матерія вѣчную неразрушимую сущность содержишь въ себѣ какъ бы въ оковахъ.

И такъ въ человѣкѣ находяшя двѣ сопротивныя натуры. Разрушима сущность всегда привязываетъ насъ къ чувственному: а неразрушима старается освободиться

ощь чувственныхъ цѣпей, и ищеть
возвышенности Духа. Ощь сего про-
изходитъ непрестанная брань между
добромъ и зломъ. Добро всегда хо-
четь непременно разума и нрав-
ственности: а зло ежедневно ведетъ
насъ къ заблужденію и страху.

Такимъ образомъ человекъ нахо-
дится въ непрестанной борьбѣ ме-
жду добромъ и зломъ, между истин-
ною и ложью; побѣждаетъ и побѣж-
дается, возходитъ на высоту и па-
даетъ въ пропасти, старается онять
подняться и снова прешыкается.

Главной причины порчи человѣ-
ческой искашь надлежитъ въ тлѣн-
ной матеріи, изъ копорой образуясь
человѣки. Сіе матеріальное, гру-
бое вещество подавляетъ въ насъ
дѣйствіе сверхчувственного духо-
внаго начала, и пошому есть истин-
ная причина слѣпоты нашего ума и
блужденій нашего сердца. (*)

(*) Читатель, кажешся намъ, можеть
здѣсь примѣнить разность сего мнѣ-

Причину ломкости глинянаго сосуда надлежишь искашь въ веществѣ, изъ кошораго онъ соспавленъ. Сосудъ изъ глины, самой прекраснѣйшей формы и самой лучшей отделки, всё остаешся хрупкимъ; пошому что вещество, изъ кошораго онъ сдѣланъ, таково.

Такъ и мы, немощные человекѣки, при всемъ возможномъ внѣшнемъ образованіи нашемъ, остаемся всё еще бранными человекѣками.

Изъискывая причины препонъ, содержащихъ человекѣческую нашуру въ шоль глубокомъ уничиженіи, мы найдемъ всѣ оныя въ грубости матеріи, въ кошорую духовная ея часшь какъ бы погружена и заклепана.

Негибкость нашихъ волоконъ и неподвижность соковъ, нѣжнымъ возбужденіямъ духа повиновашься

ніа Авшорскаго отъ другаго, предспа-
вленнаго имъ въ его *Ногахъ*, на кошорое
мы шогда еще сдѣлали свое замѣчаніе.

долженствующихъ, суть какъ бы
 щипи, его связующія, и препят-
 ствующія благороднымъ его въ насъ
 дѣйствіямъ, къ какимъ былъ бы онъ
 способенъ.

Нервные и мозговые соки дають
 намъ только грубыя, не ясныя, изъ-
 явленій только, а не изъ самой
 истины и не изъ самой вещи про-
 исходящія понятія; и когда мы
 сильному потрясенію внѣшнихъ чув-
 ственныхъ ощущеній не можемъ
 проивопоставить въ равновѣсіе до-
 вольно сильныхъ представленій во
 внутренней нашей мыслительной спо-
 собности: то всегда увлекаемся
 страхомъ; и тихій гласъ разума
 заглушается громкимъ шумомъ ши-
 хій, поддерживающихъ нашу машину.
 Разумъ хотя и старается одержать
 верхъ надъ ними, кончитъ сраже-
 ніе и прогнать замѣшательство свѣ-
 томъ силы разсужденія: но дѣй-
 ствіе его походитъ на просіяваніе
 солнца, густыми облаками непре-
 сшанно зашмѣваемаго.

Грубость вещества, изъ коего матеріальный человекъ состоитъ, и весь составъ его естества причиною сей дебелости, которая содержитъ способность души нашей во всегдашней немощи и безсиліи.

Лѣньность мыслящей нашей силы вообще есть слѣдствіе зависимости ея отъ грубой неповоротливой матеріи, которая есть истинныя узы плоти и истинный источникъ всѣхъ заблужденій, и самыхъ пороковъ.

Разумъ, долженствующій бытъ непремѣннымъ законодателемъ, есть всегдашній рабъ чувственности; она дѣлается его власнищицею, и употребляетъ его даже къ удовольствованію своимъ склонностямъ.

Истину сію давно знали, и всегда на словахъ проповѣдовали, что разумъ долженъ бытъ законодателемъ и господствовать надъ волею, а не воля надъ нимъ.

Истину сію чувствовали и великіе люди и малые: но когда дѣло доходило до исполненія, то скош-

ская воля низвергала разумъ; изрѣдка разумъ покорялъ ее, но на короткое время. Такимъ образомъ въ каждомъ человѣкѣ шьма и свѣшъ попеременно побѣждали другъ друга и побѣждаемы были другъ ошъ друга; и сія-то переменная сила и безсиліе причиною безпрестанной перемены добра со зломъ, лжи съ истиною.

Для приведенія человѣческаго рода къ истинѣ и добру, дабы онъ поступалъ по законамъ только разума, и дѣйствовалъ по чистымъ побужденіямъ воли, необходимо нужно ошдашь господство чистому разуму. Но какъ бышь сему, когда матерія, изъ кошорой всѣ матеріальные человѣки состоятъ, болѣе или менѣе разнообразна, груба, дѣлима, шлбнна? — Когда она шакова, что все наше бѣдшвіе, скорбь, болѣзнь, бѣдностъ, смерть, нужды, предразсудки, заблужденія и пороки ошъ нея зависяшъ, и сущъ неизбѣжныя слѣдшвія заключенности безсмертнаго

нашего духа въ узахъ грубой и плѣнной машеріи? Не должна ли чувствѣнность господствовать, когда разумъ въ оковахъ? И не въ оковахъ ли онъ, когда нечистое слабое сердце вездѣ опровергаетъ чистыя его озаренія?

Такъ, друзья и братья! въ семѣшю состоишь всеобщее несчастіе человѣковъ; и какъ порча сія разпространяется отъ человѣка къ человѣку: то по справедливости можешь она назваться наслѣдственной заразою человѣковъ.

Вообще мы примѣчаемъ, что силы разума дѣйствуютъ на сердце только по частному свойству того вещества, изъ котораго человѣкъ образованъ. Также весьма достойно замѣчанія, что солнце, по мѣрѣ отстоянія своего отъ земли, живишь сіе живошное вещество, и дѣлаешь его способнымъ какъ къ управленію живошной экономіи, такъ и въ вышшей, или низшей степеніи духовнаго вліянія.

Разность народовъ, свойства ихъ по мѣстному положенію, или климату ихъ страны; различность характеровъ и страстей, нравы ихъ, предрасудки, обычаи, даже самыя добродѣтели и пороки, зависящія единственно отъ частнаго, мѣстнаго свойства того вещества, изъ котораго они образованы, и въ которомъ заключенный духъ разнообразно дѣйствуетъ. По сему свойству опредѣляется и самое ихъ просвѣщеніе, и самое наученіе, которое исправляетъ каждый народъ столько, сколько удобно къ тому веществу, въ которомъ собственно состоитъ способность къ просвѣщенію, зависящая частію отъ самаго свойства того народа, частію отъ климата.

Вообще вездѣ мы находимъ того же слабаго чувственнаго человека, который подъ каждою полосою неба имѣетъ лишь столько добра, сколько чувственное его вещество даетъ разуму его господства надъ чувственностію; и столько зла, сколько

чувствительность одолеваетъ духа, болѣе или менѣе связаннаго. Въ семъ состоитъ естественное добро и зло какъ каждаго народа, такъ и каждаго человека порознь.

Сію порчу, природную той матеріи, изъ коей образованы человеки, находимъ мы во всемъ мірѣ; вездѣ бѣдность, скорбь, болѣзнь, смерть; вездѣ нужды, предразсудки, страши, пороки — въ другихъ только видахъ и образахъ!

Изъ самаго грубѣйшаго состоянія дикой натуры человекъ вступаетъ въ общежитіе по нуждѣ. Сила и лукавство, главныя свойства звѣря, сопровождающъ его и развершывающя въ немъ въ иныхъ видахъ.

Измѣненія сихъ скопскихъ главныхъ свойствъ безчисленны, и самая высочайшая степень человеческого просвѣщенія, до какой нынѣ міръ достигъ, не сдѣлала ничего болѣе, какъ только научила на сіи главныя склонности скопо-человѣка

налагать краски нѣжнѣе. То есть, изъ состоянія скоша грубаго мы перешли въ высшую степень скоша хищраго.

Но и сей періодъ былъ нуженъ; ибо за нимъ начинается новый, то есть за раскрытіемъ всѣхъ скошскихъ потребностей слѣдуетъ развитіе вышней потребности во свѣтѣ и въ разумѣ.

Что причины бѣдствія смертныхъ бранныхъ челоуковъ, преданныхъ неразумію и страхамъ, искашь должно въ машеріи, изъ кошорой они образованы: то Христосъ прекрасно изъяснилъ намъ сею великою истиною, сказавъ: что „и лучшей, усшремленный къ истинѣ челоукъ, падаешъ еще седмижды на день.„ Чрезъ сіе хотѣлъ Онъ сказать, что въ самыхъ наилучше воспитанныхъ людяхъ семь силъ духа такъ еще запершы, что всѣ семь дѣйствій чувственности каждый день его побѣждающъ, каждая своимъ образомъ.

И такъ самый лучший человекъ подверженъ заблужденіямъ и спра-
ссямъ; самый лучший исполненъ
слабостей, исполненъ грѣховъ, са-
мый лучший несвободенъ отъ скорби
и бѣдности, самый лучший подвер-
женъ болѣзни и смерти. — И для
чегожъ? Для того, что все сіе есть
необходимое слѣдствіе свойствъ
плѣнной матеріи, изъ которой онъ
составленъ.

Слѣдовательно нѣтъ человеке-
ству надежды достигнуть вышняго
счастья, пока сіе плѣнное и мате-
ріальное существо составляетъ гла-
вную часть бытія его? Горестная
мысль, что человечество само со-
бою не можетъ вознестись къ истин-
ному совершенству! Опчаянная
мысль, но при томъ утѣшительная;
ибо въ ней открывается причина,
для чего вышнее совершеннѣйшее
Существо должно сповало облещисъ
въ сію смертную плѣнную плоть,
дабы смертное содѣлать безсмерт-
нымъ, и плѣнное неплѣннымъ: въ

чемъ и состоитъ истинная причина вочеловѣченія Іисусъ-Христова.

Христосъ, или Помазанникъ Божій, есть сіяніе Божества; Премудрость, изшедшая изъ Бога, сынъ Божій, существенное Слово, которымъ все сотворено и которое въ началъ было. — Христосъ, Премудрость Божія, художница всѣхъ дѣлъ, былъ какъ бы центръ райскаго міра свѣта: дѣйствительный же органъ, чрезъ который единъ Божеская сила могла сообщаться, есть безсмертная чистая Натура, — неразрушимая, все оживляющая, и къ высочайшему совершенству и счастью приводящая сущность, чистая стихія, въ коей жилъ духовный человекъ.

Отъ сей чистой стихіи, въ коей обиталъ единъ Богъ, и изъ сущности коей сотворенъ былъ первый человекъ, онъ чрезъ паденіе отдѣлился, а чрезъ вкушеніе отъ плода дерева смѣшенія добраго или неплѣннаго начала съ злымъ или плѣннымъ,

онъ какъ бы отправилъ себя до того, что бессмертное его существо скрылося внутрь, а смертное вышло наружу. Такимъ образомъ исчезло бессмертіе, блаженство и жизнь; и слѣдствіемъ сей перемены сдѣлалась смертность, бѣдность и смерть.

Многіе люди не могутъ составить себѣ понятія о дѣвѣ добра и зла. Сіе древо было произведеніе оставшейся еще въ центрѣ Хаотической матеріи, въ кошорой плѣніе одерживало верьхъ надъ неплѣніемъ. — Преждевременное вкушеніе опъ сего заразительнаго, смертоноснаго плода привело Адама въ матеріальную, смертную форму. Онъ подвергся власти спилій, бывъ прежде властисилемъ ихъ.

Сей несчастный случай причиною, что бессмертная Премудрость, чистая метафизическая стихія, облеклась въ смертную покрывку и добровольно принесла себя въ жертву, дабы внутренними своими силами

войши въ средоточіе плѣнія, и мало по малу все смершное возвесіи паки къ безсмершію. И какъ чловѣкъ, нѣкогда безсмершный, вкусивъ смершнаго плода, натурально учинился смершнымъ: такъ чловѣкъ смершный, чрезъ вкушеніе безсмершнаго плода, натурально же можешъ получишь прежнее свое достоинство.

Въ Царствѣ Божіемъ все происходитъ естественнo и просто: но чшобъ познашь сію простоту, надлежишъ имѣшь чистыя понятія о Богѣ, Натурѣ и чловѣкѣ; и ежели вышнія истины Вѣры покрышы еще для насъ непроницаемымъ мракомъ: то сіе отъ того только, что мы до сихъ поръ понятія о Богѣ всегда отдѣляли отъ понятій о Натурѣ и чловѣкѣ.

Христосъ, бывъ еще на землѣ, говорилъ уже съ искреннѣйшими своими друзьями о великомъ таинствѣ возрожденія: но все говоренное Имъ было для нихъ темно, и они не могли того понимать. Разкрышіе сей

великой истины предоспавлено послѣдней годинѣ: ибо она есть послѣдняя и высочайшая тайна религіи, въ кошорой всѣ мисшеріи сливаются какъ бы въ единицу.

Возрожденіе есть ничто иное, какъ разрѣшеніе и разпущеніе сей нечисстой и тлѣнной матеріи, содержащей во узакѣ безсмертное наше существо, и погружающей въ смертный сонъ жизнь спѣсненыхъ дѣяшельныхъ нашихъ силъ. Ради чего необходимо надобно бытъ такому дѣйсшвишельному средшву, кошорое бы сію закваску, производящую въ насъ смерть и бѣдностъ, могло уничтожишь, и ушѣсненныя силы вывести на свободу.

Сего средшва нигдѣ найти не можно, какъ только въ Религіи. Велику же Религія, разсмаприваемая яко Наука, есть ученіе о возсоединеніи съ Богомъ: шо она необходимо должна научать насъ средшву, какъ досшигашъ сего возсоединенія. Не Іисусъ ли и живошворящее его

познаніе есть главный предметъ Библии и сокращеніе всѣхъ желаній, надеждъ и чаяній Христіанина? Не получили ли мы отъ нашего Господа и Учишеля, во время пребыванія его съ Учениками, высочайшихъ изъясненій на сокровеннѣйшія истины? По воскресеніи жъ своемъ, бывъ съ ними въ прославленномъ уже шѣлѣ, не далъ ли имъ Господь нашъ и Учишель еще вышшаго откровенія о Себѣ, и не ввелъ ли ихъ еще глубже во внутреннее познаніе истины?

Не исполнилъ ли Онъ обѣщаннаго имъ въ первосвященнической своей молитвѣ: *Иоан: XVII. 22. 23.* „И азъ „ славу, юже далъ еси мнѣ, дахъ „ имъ, да будутъ едино, якоже мы „ едино есмы: азъ въ нихъ, и ты „ во мнѣ, да будутъ совершени во „ едино. „ —

Поелику же Ученики Господни не могли понять сей великой тайны новаго и послѣдняго Завѣша: то Хришосъ предоставилъ оную буду-

щему, нынѣ приближающемуся, послѣднему времени, сказавъ: „ въ той день (въ кошорый, то ешь, со- „ общу я вамъ славу мою,) позна- „ еще вы, что я во Отцѣ, и вы во „ мнѣ, а я въ васъ есмь. „ Сей За- вѣщъ называется *Завѣтомъ* (сою- зомъ) *мира*: тогда законъ Божій дастся самому внутреннѣйшему серд- ца нашего; мы всѣ познаемъ Господа, учинимся Его народомъ, а Онъ на- шимъ Богомъ.

Къ сему существенному спяжа- нію Бога, къ сему дѣйствитель- ному, и еще здѣсь возможному, соединенію съ Нимъ, все уже при- гошовлено; и Свящяя спихія, испин- ное врачевство чловѣчества, откры- та Духомъ Божиимъ. Трапеза Гос- подня угошована, и всѣ къ оной приглашаются; испинный хлѣбъ Ангельскій гошовъ; хлѣбъ, о коемъ сказано: даси хлѣбъ имъ съ небеси.

Свящость и великость шайнства, всѣ тайны въ себѣ заключающаго, велишъ намъ здѣсь умолкнушь, и

намъ позволено только упомянуть
о дѣйствіяхъ его.

Тлѣнное и разрушимое въ насъ
пожрешся, и облечешся въ неплѣн-
ное и неразрушимое; внутреннее
чувствилище разкроешся, и свяжешъ
насъ съ духовнымъ міромъ; мы бу-
демъ просвѣщашься Премудросшію,
руководствовашься истиною, пи-
шашься пламенемъ любви; въ насъ
разкроюшся недовѣдомыя силы къ
побѣжденію міра, плоти и сатаны.
Все существо наше обновится и
сдѣлаешся способнымъ быти дѣй-
ствительною общелью Духа Божія:
что доставитъ намъ господство
надъ естествомъ, обхождение съ
вышними мірами, и видимое насла-
жденіе и сожитіе съ Господомъ.

Повязка незбѣжешва спадешъ съ
очей нашихъ, оковы чувственности
разпадутся, и мы увидемъ въ сво-
боду сыновъ Божіихъ.

Мы сказали вамъ самое главнѣй-
шее и важнѣйшее. Ежели жажду-
щее истины сердце ваше почерпнуло

обо всемъ семъ чистыя понятія, и совершенно поняло великость и свя-
тость вещи, какъ-то предметъ
требуетъ: то мы и болѣе вамъ
скажемъ. Между шѣмъ слава Гос-
подня и обновленіе всего существа
вашего да будетъ высочайшимъ ва-
шимъ чаяніемъ! —

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Въ послѣднемъ письмѣ нашемъ, Любезные Братья, мы обратили вниманіе ваше на высочайшее изъ всѣхъ шайншвѣ, существенное сшяжаніе Бога: теперь нужно сообщить вамъ полный свѣтъ о семъ предметѣ.

Человѣкъ, Возлюбленные Братья, здѣсь несчастенъ по тому, что состоитъ изъ тлѣннаго, всѣмъ бѣдшвіямъ подверженнаго вещества.

Брѣнная оболочка, кошую онъ на себѣ носитъ, подвергаетъ его свирѣпству сшихій; печаль, бѣдность, сшраданія, болѣзни суть его жребій.

Человѣкъ несчастенъ отъ того, что безсмертный духъ его томится въ оковахъ чувственности; Боже-

ственный свѣтъ въ немъ запертъ; онъ бродитъ при лампадномъ мерцаніи чувственнаго разума по путямъ его спраннычества; и мучимый спрашями, совращаемый предразсудками, ослабляемый заблужденіями, низвергается изъ пропасти въ пропасть бѣдности и несчастія.

Человѣкъ несчастенъ по тому, что онъ и шѣломъ и душою болѣнъ, и не имѣетъ истиннаго врачевства ни для шѣла, ни для души.

Тѣ, кои должны швовали вести другихъ къ счастью и управляшь ими, шакковы же, какъ и прочіе: шакже немощны, шакимъ же спрашямъ подвержены, и шакими же предразсудками обладаемы.

Какая же судьба ожидаетъ человѣчество? Ужъ ли большая часть всегда будетъ несчастна? Ужъ ли нѣтъ спасенія для цѣлаго человѣчества?

Братья! Ежели человѣчество когда либо способно достигнуть блаженнаго состоянія: то сіе блажен-

ство возможно только подъ сими условіями.

Во первыхъ: бѣдностъ, скорбь, болѣзнь, печаль должны бытъ между человѣками рѣже.

Во вторыхъ: спрасши, предразсудки и заблужденія меньше.

Но возможно ли сіе въ нашурѣ человѣческой, вообще расплѣнной, когда опытъ изъ вѣка въ вѣкъ безпрестанно доказывалъ, что одно бѣдствіе смѣнялось всегда другимъ; спрасши, предразсудки и заблужденія всегда производили тошѣже вредъ, перемѣняя только виды свои; и люди въ каждомъ вѣкѣ были шѣже бранные человѣки?

Ужасный приговоръ изреченъ надъ родомъ человѣческимъ — приговоръ: что человѣки до шѣхъ поръ не будутъ счастливы, пока не сдѣлаются мудры; и не будутъ мудрыми, пока чувстввенностъ будетъ господствовать надъ разумомъ, а духъ шомишся въ оковахъ плоти и крови.

Гдѣ чловѣкъ безѣ страши? —
Пустѣ намѣ его покажутѣ! Не всѣ ли
мы, болѣе или менѣе, носимѣ на себѣ
цѣпи чувстввенности? Не всѣ ли не-
вольники? — Не всѣ ли грѣшники?

Такѣ, Братѣя! признаемѣя, что
мы всѣ рабы грѣха.

Сіе оощеніе бѣдности нашей
зараждаешѣ вѣ насѣ нужду вѣ иску-
пленіи. Мы возводимѣ вѣзоры наши
вѣ горняя, и гласѣ Ангела гласишѣ
къ намѣ свѣше: Бѣдность чловѣче-
ская прекрашишѣя!

Чловѣки больны и шѣломѣ и ду-
шею. Сей всеобщей болѣзни должна
слѣдовашельно бышѣ причина: а сія
причина находишѣя вѣ шѣбной ма-
шеріи, изѣ кошорой чловѣкъ состо-
ишѣ.

Тлѣнное ушѣсняешѣ нешлѣнное;
свѣшѣ Премудрости связанѣ во глу-
бинахѣ мрака; квасѣ грѣха живешѣ
вѣ насѣ: а вѣ сей закваскѣ кроешѣя
порча чловѣчества и разпростране-
ніе ея, со всѣми послѣдствіями на-
слѣдстввеннаго грѣха.

Изцѣленіе челоуѣчества возможно шокмо посредствомъ разрушенія сей грѣховной вѣ насѣ закваски; и пошому надобны намѣ врачъ и лекарштво.

Но больной не можетъ лечишь больнаго, шлѣнное не можетъ совершеншвовашь шлѣннаго, ни мершвое оживишь мершваго, ни слѣпой водишь слѣпаго.

Совершенное шолько можетъ привесть несовершенное къ совершеншству, нешлѣнное шолько можетъ шлѣнное едѣлашь нешлѣннымъ, и живое оживошворишь мершвое.

И шакѣ врача и средства къ изцѣленію надобно искашь не вѣ шлѣнной Нашурѣ, гдѣ все смершь и разрушеніе: но вѣ вышней, гдѣ все совершенштво и жизнь.

Недосшашокѣ познанія о связи Божества съ Нашурою и челоуѣкомѣ ешь истинная причина всѣхъ предразсудковъ и заблужденій.

Богословы, Философы и Моралисты хѣшѣли управляшь міромъ, и

наполнили его вѣчными прошиворѣчїями.

Богословы не познали связи Бога съ Натурою, и отъ того впали въ заблужденїя.

Философы познали только материю, а не связь чистой Натуры съ Божественною, и отъ того породили самыя ложныя мнѣнїя.

Моралисты не познали главной порчи человѣческаго естества, и хотѣли лечишь словами шамъ, гдѣ нужно было лекарство.

Такъ мїръ, человѣкъ и Богъ подвержены сшали вѣчнымъ прошиворѣчїямъ; мнѣнїя воспавали прошивъ мнѣнїй; суевѣріе смѣнялось невѣріемъ и невѣріе суевѣріемъ, и удалили мїръ отъ истины, вмѣсто того чтобы приближишь его къ ней.

Токмо въ училищахъ Премудрости учили познавать Бога, Натуру и человѣка; и цѣлыя тысящелѣтїя подвизались въ тишинѣ о сисканїи высочайшей степени познанїя связи человѣка съ чистою Натурою и Богомъ.

Сія великая цѣль Бога и Нашуры, къ кошорой все спремилшя, во всѣхъ религіяхъ предшавлялась человѣку въ чувшвенныхъ образахъ; и всѣ монументы и священныя Героглифы были токмо буквы, въ кошорыхъ человѣкъ могъ обрѣсшь самое высочайшее изъ всѣхъ Божественныхъ, ешественныхъ и человѣческихъ шайншвѣ, а именно: средство изцѣленія ошъ нынѣшняго бѣдшвеннаго его сосшоянія, средство соединенія сущесшва его съ чистою Нашурою и Богомъ.

Подъ руководствомъ Божіимъ мы досшигли сей эпохи. Божешво, помянувъ завѣщъ свой съ человѣкомъ, даровало намъ цѣлебное средство для больнаго человѣчешва, и показало пуши къ возведенію его паки на шепенъ чистой Нашуры и къ соединенію съ Богомъ, яко Ишточникомъ его блаженешва.

Знаніе сего цѣлебнаго средшва ешть Наука Свяшыхъ и Избранныхъ;

и обладаніе онимъ есть обѣщанное наслѣдіе чадъ Божіихъ.

Будьте сполько благосклонны, Возлюбленные Братья! подарите насъ всѣмъ вашимъ вниманіемъ.

Въ крови нашей находишся вязкая матерія, кошорая сродсвомъ ближе къ звѣрю, нежели къ духу; сія вязкосшь есть вещество грѣха.

Она разнишся по разнымъ чувственнымъ возбужденіямъ; и по роду образованія ея различествуюшъ въ человекѣ злыя склонности ко грѣху.

Въ вышнемъ степени просяженія она производитъ гордосшь, высокомеріе: а въ вышнемъ степени стущенія скупосшь, самолюбіе, эгоизмъ.

Въ отражательномъ сосшояніи — яросшь, гнѣвъ; въ круговомъ движеніи — непосшоянство, невоздержаніе.

Въ сосшояніи разширительности — обжирство, пьянство.

Въ сосшояніи сжатія — зависшь.

Въ существенности своей — лѣ-носшь.

Сей грѣховный квасъ находишся въ каждомъ чловѣкѣ, въ одномъ болѣе, въ другомъ менѣе; распро-страняется отъ ошцовъ къ дѣшямъ, и сія распложаемая зараза препяш-сшвуетъ всегда благовременному дѣй-сшвію духа на машеріѣ.

Сей машеріи грѣха чловѣкѣ хошя и можешъ волею своею полагаешъ предѣлы и обладаешъ надъ нею, умень-шая въ себѣ ея дѣйсшвія: но совер-шенно уничтожишъ ее не въ нашей власши; и ошѣ сего въ насъ безпре-сшанная брань между добромъ и зломъ.

Сія грѣховная, находящаяся въ въ насъ, машерія сосшавляешъ узы плочи и крови, связующія въ насъ безсмершный нашъ духъ, и прико-вывающія насъ къ скошскимъ по-бужденіямъ. Сія грѣховная маше-рія въ насъ ешъ шрушѣ, въ кошо-ромъ скошскія спрасши возжигаются и возгараются.

Сильное воздѣйствіе въ насъ сей грѣховной матеріи на чувствственное побужденіе причиною, чшо мы, по недоспашку правильнаго и спокойнаго сужденія, всегда избираемъ зло вмѣсто добра; ибо броженіе сей пораждающей спрасшь матеріи препятствуетъ спокойному дѣйствію духа, которое необходимо нужно къ разсужденію.

Сіеже вещество грѣха причиною и невѣжества нашего: ибо оно, ошягчая густошою и жесткостію своею нѣжныя мозговья жилы, препятствуетъ скорому дѣйствію разума, нужному для проницанія предметовъ ума.

И такъ ложь и зло суть качества сей грѣховной матеріи въ насъ, такъ какъ истина и добро суть свойства духовнаго начала; ибо въ насъ все неограниченно господствовать можетъ.

Изъ познанія сей дѣйствительной матеріи грѣха усматриваемъ мы, чшо мы морально больные и

имѣемъ нужду во Врачѣ, который бы далъ намъ цѣлебное средство къ уничтоженію сей, ложь и злоспѣ производящей въ насъ матеріи, къ уврачеванію насъ и содѣланію морально здоровыми.

Научаемся также видѣть, что все наше нравоученіе на словахъ мало полезно тамъ, гдѣ нужно подлинное лекарство.

Нѣсколько уже вѣковъ проповѣдуютъ о добродѣтели, а міръ осматривается все тошѣе. Больной не выздоровѣетъ, ежели Докторъ при одрѣ его будетъ только говорить мораль: ему нужно предписать лекарство, а прежде еще надобно узнать истинное состояніе больного.

Бользенное состояніе человѣческа.

Болѣзнь человѣческая состоитъ въ отравленіи. Человѣкъ вкусилъ отъ плода шакого древа, въ кошо-

ромъ шлѣнное матеріальное Начало имѣло перевѣсъ, и оправилъ себя симъ вкушеніемъ.

Первое дѣйствіе сего всеобщаго яда состояло въ томъ, что нешлѣнное Начало, коего разпространеніе по всему существу составляло совершенство Адамово, спянулось внутрь, и предало наружность владычеству стихій. Тогда смертная матерія тотчасъ облекла безсмертную сущность; и лишеніе свѣта, невѣжество, страхъ, скорбь, бѣдность и смерть были естественными слѣдствіями того.

Сообщеніе съ міромъ свѣта преклосось; внутреннее око, имѣвшее вездѣ предметомъ своимъ истину, закрылось, и матеріальное око открылось къ непостоянному зрѣлищу явленій.

Человѣкъ потерялъ все свое блаженство, и безъ спасительнаго средства на вѣкъ бы погибъ въ семъ бѣдственномъ состояніи: но безконечная любовь и милосердіе Божіе,

кошорья не имѣли иной цѣли при швореніи, кромѣ высочайшаго блаженства сошворенныхъ существъ, шотчасъ по паденіи челоуѣка опкрыли ему средство спасенія, коего могъ онъ ожидать съ своимъ пошомсшвомъ, дабы въ продолжшпельномъ изгнаніи своемъ укрѣпляясь чаяніемъ и надеждою, могъ онъ переносить несчастіе свое въ смиренной преданности и терпѣннш, и обрѣшашъ въ спранничествѣ своемъ шу великую опраду, что все, имъ испорченное, будетъ опяшь исправлено любовью Спасштеля.

Безъ сего Опкровенія участію челоуѣка было бы опчаяніе.

Челоуѣкъ до паденія былъ живыи Храмъ Божесшва; и въ шужь минушу, какъ сей Храмъ изпровергнутъ, начертанъ уже былъ Премудросшію Божіею планъ къ воспановленію его. Съ сей шочки времени начинаются шайнсшва всѣхъ Релшгій и всѣхъ священныхъ Мшсшерій, кошорья сушь шокмо шыся-

щекратно, по времени, обстоятельствомъ и поняшю народовъ, повшоренныя и преобразованныя изображенія единой истины, кошорая есть возрожденіе — возсоединеніе челоуѣка съ Богомъ.

Человѣкъ до паденія былъ мудръ и соединенъ съ Премудростію: по паденіи же съ нею разлучился. И пошому нужно сшало ему Опшкровеніе, Наука, какъ возврашишь сіе соединеніе съ Премудростію. Сіе первое Опшкровеніе было слѣдующее.

Безсмершіе сосшопшъ вѣ шомъ, чшобы безсмершное проницало смершное.

Безсмершное есть Божесшвенная сущность, Слава Божія вѣ Нашурѣ, подкладка Духовнаго міра, безпредѣльность Божія, вѣ кошорой все сущесшвуешъ, живешъ и движешся.

Никакая шварь не можешъ иначе бышь сшасшливою, какъ шолько вѣ Ишточникъ всего блаженсшва; — сей законъ есть непремѣненъ. — Сей же Ишточникъ есть самая Слава Божія.

Вкушеніємъ плѣннаго брашна человекъ сдѣлался самъ плѣннымъ и матеріальнымъ. Между имъ и Богомъ простерлась какъ бы матерія. Онъ не проникается уже непосредственно, и пошому подверженъ законамъ матеріи.

Божественное въ немъ, заключенное въ узахъ матеріи, есть бессмертное; оно должно освободиться, раскрыться и возобладать надъ смертнымъ; тогда человекъ возстанетъ паки въ прежнемъ своемъ достоинствѣ.

Но ему нужно средство къ изцѣленію и къ обращенію; а сего средства падшій человекъ самъ собою не можетъ ни познать, не только достать себѣ: познать не можетъ по тому, что потерялъ чистое познание, свѣтъ Премудрости; а достать не можетъ по тому, что сіе средство заключено въ самомъ внутреннѣйшемъ Натуре; а онъ не имѣетъ ни власти, ни силы раскрыть оное.

И такъ нужно ему откровеніе, дабы познать; и сила, дабы приобрѣсть сіе средство.

Сія необходимость цѣленія побудила Премудрость, или Сына Божія, открыться чловѣку чистую субстанціею, изъ копорой все сошворено; и сей токмо чистой субстанціи предосшавлено все мершвое оживишь и все нечисшое очисшишь.

А дабы сіе могло возпослѣдовать, и дабы внутреннѣйшее Божешвенное въ чловѣкѣ, въ смершной покрышкѣ заключенное, паки разярылось, и весь міръ могъ возродишься, нужно было сей Божешвенной субстанціи вчловѣчишься, и свою божешвенную возраждашельную силу перенесшь въ чловѣчештво. Также нужно было сему Божешко — чловѣчешкому образу бышь умерщвлену и закланну, дабы содержащаяся въ крови его Божешвенно — неплѣнная сущность проникла во внутреннѣйшее земли, и произвела постепенное разрѣшеніе плѣнной ма-

періи: — дабы человекъ въ свое время паки обрѣлъ чистую возрожденную землю, и насадилъ въ ону древо жизни; — дабы вкушеніемъ отъ плода его, содержащаго въ себѣ безсмертное начало, смертно въ насъ уничтожилось, и человекъ какъ вкушеніемъ отъ плода злѣннаго начала заразился: такъ вкушеніемъ же отъ плода древа жизни изцѣлился бы.

Сіе было первое и важнѣйшее Откровеніе, на коемъ основывающія всѣ прочія, и кошорое, переходя изъ устъ въ уста между Избранными Божіими, сохранилось и до нашихъ временъ.

Человѣческая Натура имѣла нужду во Спасителѣ. Сей Спаситель былъ Хришосъ Іисусъ — сама Премудрость Божія — дѣйствующее внѣ Бога. Онъ принялъ на себя человѣческую покрывку, дабы паки сообщити міру Божественную безсмертную субстанцію, кошорая была Онъ Самъ; произвольно принесъ себѣ

въ жертву, дабы чистыми, въ крови его заключающимися, силами проникнуть во внутреннѣйшее Натуры и все привести къ совершенству.

Онъ, яко Первосвященникъ и купно жертва, вошелъ во внутреннѣйшее, и, по свершеніи всего нужнаго, положилъ основаніе къ Царесвященству Избранныхъ Своихъ, и научилъ ихъ, яко Первенцевъ Духа, познаніемъ Его ипостаси и силъ вещи прочихъ чловѣковъ, брашьевъ единокровныхъ, ко всеобщему блаженству.

Здѣсь-то начинаются Жреческія, или Священническія шайны Избранныхъ и Внутренней Церкви. Истинная Царесвященническая Наука есть наука возрожденія, или воссоединенія падшаго чловѣка съ Богомъ.

Она называется Царственною Наукою, пошому что ведетъ чловѣка ко власши и обладанію надъ всею Натурою; и Священническою, пошому, что все освящаетъ, все со-

*

вершенствуетъ и вездѣ разпространяетъ благодать и благословеніе.

Сія Наука ведетъ свое начало непосредственно отъ успешнаго откровенія Божія. Она всегда была наукою Внутренней Церкви, Пророковъ и Свяшыхъ, и никогда не признавала инаго Первосвященника, какъ самаго Іисуса Христа Господа.

Сія наука имѣла шроякую цѣль: *во первыхъ* возродитъ челоѣка часшно, или первенцевъ изъ Избранныхъ; *потомъ* возродитъ многихъ челоѣковъ, и *наконецъ* все челоѣчество. Пракшика ея состояла въ высочайшемъ усовершенствованіи самаго себя и всѣхъ предметовъ Нашуры.

Сей Наукѣ училъ не иной кто, какъ самъ Духъ Божій и Пріявшіе сего Духа; она отъ всѣхъ наружныхъ наукъ отличалась тѣмъ, что преподавала познаніе о Богѣ, Нашурѣ и челоѣкѣ въ совершенной связи: когда запрошивъ того внѣшнія науки ни Бога, ни Нашуры, ни челоѣка, ни его назначенія прямо не знаютъ.

Она доставляла человѣку познаніе какъ о чистой неповрежденной, такъ и о нечистой поврежденной Нашурѣ, и показывала ему средства совлечь сию послѣднюю и достигнуть той первой.

Она состояла въ ученіи познанія Бога въ человѣкѣ и Божественнаго характера въ Нашурѣ, дабы чрезъ сей послѣдній, яко печать Божію, внутреннѣйшее наше паки раскрылось и въ соединеніе съ Божественнымъ прииши могло.

И такъ сіе возсоединеніе, или возрожденіе, было вышняя цѣль сей науки, отъ которой священство получило свое имя. Religio значить *возсоединеніе*; Clerus, Клиръ, *возражающій*.

Мельхиседекъ былъ первый Царь-священникъ; отъ него производящъ всѣ истинные Священники Бога и Нашуры, и къ нему примыкается самъ Христосъ, яко Іерей по чину Мельхиседекову.

Сіе слово по самому буквенному смыслу имѣетъ важное и обширное знаменованіе. Слово вѣ слово оно значить *наставляющаго* вѣ истинной субстанціи жизни и вѣ обрѣзаніи заключающей оную шлѣнной оболочкѣ.

Священникъ есть Отпрѣшитель чистой Натуры отъ нечистой; Отдѣлишель всесодержащей субстанціи отъ шлѣнной, бѣдностъ и болѣзнь причиняющей, матеріи. *Жертва*, или *отдѣленное*, ссшoitъ вѣ хлѣбѣ и винѣ.

Хлѣбъ буквенно значить все сохраняющую субстанцію: а *вино*, все оживляющую.

И такъ Священникъ по чину Мельхиседекову есть шотѣ, кошорый умѣетъ отдѣлять чистую все содержащую и все оживляющую матерію отъ нечистой, и употреблять оную средшвомѣ къ примиренію и возсоединенію падшаго чловѣчества, для возвращенія ему истиннаго дошшoitсшва Царскаго — или власш

надъ Нашурою — и сана Священническаго — или власши соединяшь съ благословеніемъ Вышнихъ Міровъ.

Въ сихъ немногихъ словахъ содержишся вся шайна Священства Божія, упражненіе Священника, и цѣль.

Но сіе Царесвященство не прежде могло получишь все свое совершенство, какъ когда самъ Іисусъ Христосъ, вѣчный Первосвященникъ, совершилъ величайшую изъ всѣхъ жершвъ и вошелъ во внутреннѣйшее Свящилище.

Здѣсь ошкрывающся новыя и великія шайны, досшойныя всего вашего вниманія.

Когда по предвѣчнымъ судьбамъ Премудросши и Правосудія Божія опредѣлено было спасти падшій родъ человѣческой: тогда Премудросшь Божія долженствовала избрашь средство, кошорое бы во всякомъ ошношеніи было наиудобнѣйшее къ достиженію сей великой цѣли.

Какъ же человекъ вкушеніемъ тлѣннаго, смершное вскисаніе въ себѣ содержащаго плода, оправилъ себя такъ, что все вокругъ его сдѣлалось мершво и тлѣнно: то Божеское милосердіе долженствовало прошивопосшавишь оному прошивное средство, кошорое бы также снѣдомо бышь могло, но содержало бы въ себѣ все сохраняющую и все оживляющую сущность: дабы оправленный и смерши подпадшій человекъ вкушеніемъ сей безсмершной пищи паки изцѣлѣлъ и отъ бѣдности своей избавился. А чтобъ сіе древо жизни могло здѣсь паки насаждено бышь, нужно было сперва машеріальному, тлѣнному, въ центрѣ земли лежащему началу возродиться, превратиться и приспособиться къ сущности, имѣющей нѣкогда все оживишь.

Сіе приспособленіе къ новой жизни и разрѣшеніе тлѣннаго, въ самомъ центрѣ земли находящагося сущесшва, не было инако возможно,

какъ такимъ образомъ, чтобы Божественная субстанція жизни облеклась въ плоть и кровь, дабы сокрытыя въ ней силы жизни перенесли паки въ умерщвленную Насуру: что дѣйствительно и исполнилось смертію Хришевою. Изшедшая изъ проліянной Имъ крови шинкуральная сила проникла въ самое внутреннѣйшее земли, воскресила мертвыхъ, разпоргла камни, и произвела великое и полное помраченіе солнца, выгнавъ изъ средоточія земли, куда проникъ свѣтъ, всѣ частицы въ окружность, и положивъ основаніе къ будущему паки-просвѣтлѣнію міра.

Со дня смерти Хришевой перенесенная проліянною его кровію въ центръ земли Божественная сила непрестанно работаетъ и поспешенно приготавливаетъ всѣ существа къ великому предстоящему превращенію міра. Прежде же сего предстоящаго возрожденія всего міра, человекъ былъ главнымъ предметомъ

проліяній Христомъ хрови, и до-
сшавленіе ему всевозможнаго совер-
шенства еще въ семъ матеріаль-
номъ мірѣ, исправленіемъ существа
его, было цѣлю безцѣнныхъ спра-
даній Іисуса Христа.

Онъ есть Спаситель міра; Онъ
же Спаситель и человекѡвъ. Иску-
пленіе насъ отъ грѣха, бѣдности и
смерти было предметомъ и причи-
ною Его вочеловѣченія.

Своею плотию, въ жертву за
насъ принесенною, и кровію, за насъ
пролишою, Христосъ изкупилъ насъ
отъ всякаго зла.

Въ ясномъ познаніи *плоти и кро-
ви* Іисусъ-Христовой заключається
исстинное и чистое познаніе прямаго
возрожденія человекѡческаго.

Соединишься со Христомъ въ обѣ-
ихъ его Напурахъ есть величайшее
шанство Внутренней Церкви; —
бышь съ Нимъ единымъ духомъ, еди-
нымъ существомъ, есть верьхъ чая-
нія Избранныхъ.

Средства къ сему существенному стяжанію Бога отъ очей мірскихъ Мудрецовъ сокрышы, а открышы просшѣ и дѣшскому смыслу.

Гордая Философія! Повергнись во прахъ предъ великими тайнствами Божества, коихъ ты не вѣдаешь, и къ испытанію кошорыхъ слабый чувственный швой разумъ средствъ не имѣешь!

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Богъ содѣлался человѣкомъ, дабы преобожить человѣка: такъ Небо соединится съ землею, дабы учишишь землю Небомъ.

Но чшобъ сіе преобоженіе и прешвореніе земли въ Небо могло восподовати, надлежитъ перемѣнишишься и превратишишься существу нашему.

Сія перемѣна, сіе превращеніе, называется *Возрожденіемъ*.

Родитсся называется вступитишь въ міръ, гдѣ царшвуешъ чувшвенность; Премудрость же и Любовь шомяшся въ узахъ самосши.

Возродитсся называется возврапитишься въ такой міръ, гдѣ духъ Премудрости и Любви господшвуешъ, и скошочеловѣкъ повинуетсся.

Возрожденіе естѣ проишвенно: во первыхъ возрожденіе *Ума*; во вторыхъ возрожденіе сердца, или *Воли*; и наконецъ возрожденіе *всего существа*.

Первое и второе называется духовнымъ Возрожденіемъ: а третіе шблеснымъ.

Многіе благочесивые, Богу угодившіе человекѣки возродились въ духъ и волю: но рѣдкіе знали шблесное возрожденіе. Оно немногимъ подавалось, и давалось для того, что бы сіи человекѣки, какъ Повѣренныя Божіи, содѣйствововали къ великимъ цблямъ и намѣреніямъ Его, и приближили бы человекѣштво къ его блаженшву.

Теперь нужно показашъ вамъ, Любезные Браться! испинный порядокъ Возрожденія: ибо Богъ, кошорый естѣ весь Сила, Премудрость и Любовь, производишъ все по порядку и гармоніи.

Кшо не начнешъ духовной жизни, Любезные Браться! кшо снова не ро-

дишся изъ Господа, шомъ не взы-
дешъ на Небо.

Человѣкъ отъ родителей своихъ
раждаешся въ наслѣдственномъ грѣ-
хѣ, ш. е. приходитъ въ естесшвен-
ную, а не въ духовную жизнь.

Духовная жизнь есть любовь Бо-
га паче всего, и ближняго, какъ се-
бя самаго.

Въ сей двойкой любви сосшощъ
начало новой жизни.

Человѣкъ раждаешся во злѣ,
въ самолюбїи, и въ любви къ міру.

Самолюбїе,
Своекорысшіе,
Самоугодіе

сущъ сосшавишельныя часши зла : до-
бро же сосшощъ въ любленїи Бога
и ближняго.

Не знашь другой любви, кромѣ
любви ко всѣмъ человѣкамъ,

Не знашь другой пользы, кромѣ
пользы всѣхъ человѣковъ,

Не знашь другой утѣхи и дру-
гаго счасшія, кромѣ счасшія всѣхъ —

вошѣ шо, чѣмѣ духѣ Сыновѣ Божіихѣ
ошличается опѣ духа чадѣ міра.

Духа міра перемѣнишь на духа
Сыновѣ Божіихѣ — ешь возродишься,
совлечься вѣщаго чловѣка и облечь-
ся вѣ новаго.

Но никшо не можешѣ возро-
дишься, ежели не знаешѣ и не испол-
няешѣ сихѣ главныхѣ правилѣ.

Истина ешь предметомѣ вѣры:
добро предметомѣ нашихѣ дѣяній.

И шакѣ кшо хочешѣ возродишься,
шошѣ долженѣ сперва знашь чшо
кѣ возрожденію принадлежишь.

Онѣ долженѣ все сіе поняшь,
обдумашь и размыслишь; и чшо
узнаешѣ, по шому долженѣ посту-
пашь: и слѣдствіемѣ шого будешѣ
новая жизнь.

Когда же напередѣ должно знашь
и бышь во всемѣ научену, чшо кѣ
возрожденію принадлежишь: шо во
первыхѣ нуженѣ Учишель и Насша-
вникѣ, а по узнаніи сего, вѣра кѣ
нему; ибо какая польза вѣ Учишелѣ,

єстьли ученикѣ кѣ нему вѣры не имѣешѣ?

И такѣ начало кѣ возрожденію єсть вѣра вѣ Откровеніе.

Надобно начашѣ вѣришѣ, что Господѣ, Сынѣ Божій, Премудросѣ Божія, Превѣчный Богѣ, пришелѣ вѣ мїрѣ спасти родѣ чєловѣческій; что Господѣ имѣешѣ всю власѣ на небеси и на земли; что всякая вѣра и любовь, все испинное и доброе, отѣ Него единспвенно приходишѣ; и что Господѣ єсть Ходатай, Спаситель и Вождѣ чєловѣковѣ.

Когда сія высочайшая вѣра вѣ насѣ укоренишѣ: то мы часно спашемѣ помышляшѣ о Господѣ: а сіє помышленіє о Немѣ, содѣйспвующей благодаши Его, разкросѣ вѣ насѣ 7 заключєнныхѣ духовныхѣ силѣ. — Путь кѣ сєму разкросію єсть слѣдующій:

Пушь кѣ блаженству.

Ежели ты хочешь достигнуть высочайшаго возможнаго для себя блаженства: то ищи Истины, Премудрости и Любви; а Истину, Премудрость и Любовь найдешь ты только въ Единцѣ, которая есть Господь, Хриосъ, Помазанникъ Свѣта.

Ищи Христа всѣми твоими силами, ищи его полношою сердца.

Начало твоего возхожденія есть познаніе твоей ничтожности. Изъ сего познанія раждается нужда въ вышней Силѣ: а сія нужда есть начало Вѣры.

Вѣра раждаетъ Надежду. Но и вѣра имѣетъ свои степені:

Сперва Историческая вѣра,

Потомъ Нравственная,

Потомъ Божественная,

Наконецъ живая Вѣра.

Постепенный ходъ есть слѣдующій:

Историческая Вѣра начинается тогда, когда мы изъ Исторіи времени и Откровенія познаемъ, что былъ Мужъ, называвшійся Іисусъ Назорянинъ; что сей Мужъ былъ совсѣмъ особенный человекъ, чрезвычайно любившій человекѡвъ, оказавшій имъ великія благодѣянія и ведшій жизнь самую добродѣтельную; однимъ словомъ, былъ самый добродѣтельнѣйшій и наилучшій человекъ, заслужившій все наше уваженіе и любовь.

Изъ сей просшой исторической вѣры о бышій Хриса открываешся вѣра Нравственна, то есть: что мы все, чему сей Мужъ училъ, одобряемъ; дѣйствительно видимъ и находимъ, что простое его ученіе исполнено Премудрости и Любви; что Онъ совершенно добра желалъ человекамъ, и претерпѣлъ смерть за истину: тогда по вѣрѣ къ лицу Его приходишь вѣра въ слово Его; а изъ сей открываешся вѣра въ Божественность Его.

Тотъже Христосъ, который въ лицѣ своемъ такъ намъ любезенъ, а жизнью и учениемъ своимъ такъ почтенъ для насъ, теперь уже Самъ сказываетъ намъ, что Онъ есть Сынъ Божій, и слова свои утврждаетъ сверхъестественными чудесами: изцѣляетъ больныхъ, воскрешаетъ мертвыхъ, воскресаетъ отъ смерти, и послѣ оной еще 40 дней обращается съ своими Учениками, дабы научить ихъ вышнимъ тайнамъ Науры и Религіи.

Здѣсь натуральная и разумная вѣра во Христа перемѣняется въ Божественную; мы начинаемъ вѣрить, что онъ былъ воочеловѣчивыйся Богъ.

Изъ сей вѣры происходитъ увѣреніе и въ то, чего мы еще не понимаемъ, но чему онъ училъ вѣрить.

Изъ сей вѣры въ Божество Иисусово, изъ совершенной нашей преданности Ему и вѣрнаго послѣдованія Его заповѣдямъ рождается наконецъ живая вѣра, въ которую мы

внушренно все то находимъ истиннымъ по опышу, чему доселъ вѣрили шолько по дѣшской довѣренности; и сія живая, опышомъ подтвержденная, вѣра естъ самая вышняя степень.

Когда сердце наше приметъ въ себя Христа живою вѣрою: тогда сей свѣтъ міра раждается въ сердце нашемъ какъ бы въ бѣдныхъ ясляхъ.

Въ насъ все нечисто, все покрыто паушиною суешности, все замарано грязью чувственности.

Воля наша естъ воля, въ ярмо сшрасшей запряженный.

Разумъ нашъ оселъ, упрямый въ своихъ мнѣніяхъ, предразсудкахъ и глупостяхъ.

Въ сей - то бренной, развалившейся хижинѣ, въ жилищѣ скопскихъ сшрасшей, вѣрою раждается въ насъ Христосъ.

Простоша души нашей представляетъ пасшущеское сосшояніе; она приноситъ ему нервья жертвы, пока при главныя силы Царскаго на-

шего достоинства: Разумъ, Воля и Дѣятельность, повергнувшись предъ Нимъ и принесуть Ему дары истины, мудрости и любви.

Мало по малу ясли сердца нашего превращаются въ наружный Храмъ, въ которомъ Христосъ учитъ. Но сей Храмъ наполненъ еще Книжниками и Фарисеями; продающіе голубей и торгующіе еще находящся въ немъ: но они должны бытъ изгнаны и Храмъ превратишься въ домъ Моливны.

Мало по малу Христосъ избираетъ себѣ всѣ способныя въ насъ силы къ проповѣданію Его; врачуетъ нашу слѣпошу, очищаетъ нашу проказу, мертвое въ насъ воскрешаетъ, злое умерщвляетъ, распинается въ насъ, умираетъ и воскресаетъ славно Побѣдишелемъ: тогда ходишь въ насъ въ лицѣ своемъ, научая вышнимъ тайнствамъ; и когда наконецъ учинишь насъ способными къ совершенному возрожденію, то

возносится на Небо и посылаетъ намъ своего Духа истины.

Прежде нежели сей Духъ начнетъ въ насъ дѣйствовать, производящъ слѣдующія перемѣны:

Во первыхъ возвышающа въ насъ 7 силъ *Ума*, потомъ 7 силъ сердца, или *Воли*; и сіе возвышеніе происходитъ слѣдующимъ образомъ:

Человѣческой Умъ раздѣляется на 7 силъ, или способностей. Первая сила есть способность зрѣть въ себя предметы — *Умозрѣніе*, *Умопредставленіе*, *Intuitus*.

Вторая состоитъ въ способности принимая видимые предметы въ себя — *Понятіе*, *Apperceptio*.

Третья принятое отдаетъ назадъ — *Размышленіе*, *Reflexio*.

Четвертая сила есть способность разсмащривая принятыя предметы въ ихъ многообразіи — *Воображеніе*, *Phantasia*, *Imaginatio*.

Пятая сила состоитъ въ рѣшительности — *Разсужденіе*, *Judicium*.

Шестая собираетъ и разпоряжаетъ все по отношеніямъ — *Разумъ*, Ratio.

Наконецъ седьмая способность соображенныя вещи образуетъ въ существо для ума — *Смыслъ*, *Умъ*, Intellectus.

Сія послѣдняя содержитъ въ себѣ какъ бы сумму всѣхъ прочихъ.

Воля человѣческая также дѣлится на 7 силъ, кошорыя всѣ вмѣстѣ составляютъ волю человека, и суть какъ бы составительныя ея части.

Первая есть способность хотѣть желательныхъ вещей внѣ себя — *Желаніе*, Desiderium.

Вторая есть способность желательныя вещи себѣ присвоивать — *Похотѣніе*, *Похотъ*, Appetitus.

Третья есть способность давать имъ видъ, дѣлать ихъ дѣйствительными, или исполнять желаемое — *Вожделѣніе*, Concupiscentia.

Четвертая есть способность принимать въ себя склонности, безъ рѣшимости еще на кошорую либо

сторону, или есть состояніе чело-
вѣка въ *Страсти*, Passio.

Пятая есть способность рѣши-
мости въ пользу вещи, или прошивъ
вещи — *Свобода*, Libertas.

Шестая есть способность выбо-
ра, или дѣйствительная рѣшитель-
ность — *Избраніе*, Electio.

Седьмая есть способность избра-
нію давань бышіе — *Воля*, Voluntas.

Сія седьмая сила также содер-
житъ въ себѣ всѣ прочія, и есть
сумма ихъ.

Сіи 7 силъ Ума и 7 силъ Сердца,
или Воли, могутъ особливимъ обра-
зомъ облагородиться и возвыситься,
когда мы Христа, яко Премудрость
Божію, возьмемъ за правило нашему
разуму; а всю жизнь его, состоя-
щую въ одной любви, за побужденіе
нашей волѣ.

Умъ образуется по Христу

г. Когда мы во всѣхъ случаяхъ
смотримъ на Него, когда Онъ соспа-
вляетъ единственную цѣль дѣланій
нашихъ, — *Умозрѣніе*, Intuitus.

2. Когда мы вездѣ замѣчаемъ его дѣянiя, его чувствованiя и его духъ — *Понятiе, Apperceptio.*

3. Когда мы во всѣхъ нашихъ помышленiяхъ наблюдаемъ его, и мыслимъ, какъ бы онъ о томъ мыслилъ — *Размышленiе, Reflexio.*

4. Когда его чувствованiя, его мысли, его Премудрость пославляемъ единственнѣйшимъ предметомъ нашей вообразительной силы — *Воображенiе, Phantasia.*

5. Когда отвергаемъ всякую мысль не его, и избираемъ всякую, которая могла бы бытъ его — *Разсужденiе, Iudicium.*

6. Когда мы наконецъ весь составъ идей духа нашего распорядимъ по его идеямъ и по его духу — *Разумъ, Ratio.* Тогда

7. Возходитъ въ насъ новый свѣтъ, несравненно превышающiй чувственнѣйшiй разумъ; свѣтъ вышнiй — *Умъ, Intellectus.*

Также точно образуется наше сердце, когда мы во всемъ

1. Его шолько желаемъ — *Желаніе.*

2. Его шолько хошимъ — *Похотѣніе.*

3. Его шолько вожделѣваемъ — *Вожделѣніе.*

4. Его шолько любимъ — *Любовь, спрасъ.*

5. Все шо избираемъ, что еспъ Онъ, и всего шого убѣгаемъ, что не Онъ — *Избраніе.*

6. По Его шолько гармоніи, по Его заповѣдямъ, усшавамъ и повелѣніямъ живемъ — подчиненіе *Свободы.* Ошъ чего наконецъ

7. Произходишъ совершенное соединеніе *воли* нашей съ Его волею; а по сему соединенію человекъ со Христомъ еспъ единъ умъ и едино сердце.

При семъ совершенномъ соединеніи посшепенно воскресаетъ въ насъ новыи человекъ; Божесшвенная Премудросъ и Любовь соединяющся въ насъ для произведенія новаго душовнаго человека, въ сердцѣ коего

вбра переходить въ созерцаніе; и предъ сею оживленною вброю сокровища обѣихъ Индій суть ничшо.

Сіе существенное сшяжаніе Бога, или Хриспосъ въ насъ, есть центръ, въ кошорому всѣ шайншва, какъ лучи въ кругѣ, усшремлены, и въ кошоромъ одномъ заключаешся высочайшее шайншво религіи и всѣхъ мисшерій.

Царштво Божіе есть царштво истины, благоправія и благоденшвія. Оно шворишся внушренно въ нѣкоторыхъ людяхъ, и посшепенно разшпранишся Духомъ Хрисшовымъ на всѣ народы, дабы вездѣ учредишъ порядокъ, ошъ кошораго какъ каждая часть порознь, такъ и весь составъ, выиграшъ можешъ; ошъ кошораго человѣческая Натура можешъ развишся до высочайшаго совершеншва, и больной человѣческой родъ изцѣлишся ошъ всѣхъ недуговъ.

Одна Любовь и Духъ Божій будешъ нѣкогда оживляшъ все человѣчешво. Духъ Божій возбудишъ и вос-

креситъ силы чловѣческаго естества, поведетъ ихъ по цѣлямъ Премудрости и посшавитъ ихъ въ надлежащій порядокъ.

Любовь начальствующихъ къ подчиненнымъ, покорность подчиненныхъ къ начальникамъ, миръ, вѣрность гражданъ, согласіе въ дому, взаимная любовь народовъ будутъ первыми плодами сего Духа.

Восхищеніе духа безъ мечшательства, возвышеніе души безъ сумасбродства, благошворный жаръ сердца безъ бурливой нешерпѣливости сблизятъ, примирятъ и соединятъ шоль давно, шоль многими разношьями, разлученныя и предразсудками и заблужденіями другъ прошивъ друга ополченныя части чловѣческаго рода; и въ семъ Храмѣ Нашуры великій и малый, бѣдный и богашый возпоютъ хвалу Ошцу любви.

НЕБО НА ЗЕМЛИ,

ИЛИ

ХРИСТОСЪ ВЪ СЕРДЦАХЪ

ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ.

Миръ тогда лишь счастливъ будетъ,
Какъ найдетъ Христа въ себѣ;
Онъ даетъ землѣ блаженство,
Миръ и счастье всѣмъ странамъ.

Чтожъ Христосъ есть? Онъ Премудрость,
Онъ Любовь, Онъ Сила весь;
Онъ Источникъ побужденій,
Что въ насъ свѣтъ внутри шворитъ.

Гдѣ Иисусъ, тамъ все блаженство
Ощущаетъ сердце Имъ;
Онъ одинъ подвемлетъ бремя,
Подавляющее насъ.

Нѣтъ печали, нѣтъ страданья,
Гдѣ Его вселился Духъ:
Дни весенніе приходятъ,
Съ Нимъ, какъ роза, мы цвѣтемъ.

И Царямъ, что Имъ водимы,
Нѣтъ подобнаго въ Царяхъ;
Скипшромъ ихъ Любовь владѣетъ,
И Любовь держава ихъ.

Начершимъ картину счастья,
Онъ кошорое даетъ,
Какъ въ дворахъ Его другъ друга
Любящъ человѣки всѣ!

Тамъ Цари опцами спали,
Тамъ Священники врачи;
И Ему мы, Мирошворцу,
Будемъ симъ одолжены!

Все, что бѣгало другъ друга,
Съединишся дружбой ввѣкъ;
Иудей тамъ и Язычникъ
Будетъ шомъ же человѣкъ.

Для больнаго всѣ лекаршва
Тамъ гошовы напередъ,
О убогомъ повечешся
Нѣжностъ брашскія любви.

Тамъ голоднаго насыпятъ,
 Въ нуждѣ помощь подадутъ,
 Странника подъ кровъ примутъ,
 Пищу, пишіе дадутъ.

Тамъ вдова не льетъ слезъ горькихъ,
 И не спонетъ сирота;
 Пропитанье всякъ имѣетъ,
 Богъ печется обо всѣхъ.

Духъ и Истина во Храмѣ,
 Сердце жертвой алтаря,
 И Божественной печашью
 Знаменованъ тамо Жрецъ,

Мудрость тамъ вѣнца сіянье,
 Обладаетъ тамъ Любовь;
 Въ міръ съ миромъ обитая,
 Въ немъ она устройтъ рай.

Ни одинаго изъ братьевъ
 Не прольется тамо кровь;
 Тамъ одинаго всѣ рода,
 И подпорой брата брата.

И врачи, что самовольно
 Отсѣкаютъ члены прочь,
 Умудрясь, беречь ихъ будутъ,
 Яко собшвенность шлесе.

О восторгъ! Какая радость!
 Я не зрѣлъ подобной сей:
 Христіанинъ, Жидъ, Язычникъ
 Тамъ идушъ рука съ рукой.

Волкъ пасется вмѣстѣ съ агнцемъ,
 И змія съ младенцемъ спитъ:
 Всѣ враждебныя натуры
 Чрезъ Любовь примирены.

Соверши еще не дальній,
 Странникъ! пушъ, и оглянись:
 Се! въ очахъ твоихъ спадаешъ
 Со Священища покровъ.

Зри: тамъ мракъ и заблужденья,
 Предразсудки и пороки
 Въ царство тѣней убѣгають,
 Какъ ошъ солнца нещопырь.

Се земля явишся нова,
 Насупаешъ новый міръ;
 Духъ Христовъ речешъ: *да будетъ!*
 И міръ новый предстоишъ.

Предстоишъ! Ты мнишь, очами
 Можешъ въ явѣ зрѣть его?
 Гошери, пока завѣса
 Вся поднимешся съ него.

Но земля ужъ не боится
 Превращеній никакихъ;
 Всѣхъ блаженство утвердися,
 Близъ Господь людей своихъ.

Пусть Духъ тьмы во браняхъ губишь,
 Тысящи людей разишь;
 Онъ Всемощію уступитъ,
 И Любовь все побѣдитъ.

Богъ войной народъ караетъ,
 Забывающій Его;
 Грѣхъ грѣхомъ казнишься долженъ,
 Бывъ источникъ всякихъ золь.

Но едва едину слезу
 Грѣшникъ къ Богу проліетъ;
 Престаетъ его спраданье,
 Богъ являеца Отцемъ.

Онъ одинъ всѣхъ цѣли знаетъ
 И премудро къ нимъ ведетъ;
 Многие, стремяся къ онымъ,
 Ихъ не вѣдають отнюдь.

На всѣсахъ разсудка вѣсяшь
 Что впадаетъ въ око имъ:
 Но какъ вскроется завѣса,
 Какъ ихъ взоръ шошь удивишь!

Прочь отъ Бога посшыжденный
 Гордый міра философъ!
 Упованіе Онъ мудрыхъ,
 Онъ ихъ свѣщъ и счастье ихъ.

Разумъ, вами обоженный,
 Только чувспвенный есть свѣщъ:
 Кто кружился въ Вавилонъ, (*)
 Къ испинѣ шощъ не придетъ.

Сокрушитъ рукъ дѣло вашихъ
 Возвѣвая въпромъ прахъ,
 И предъ сильной мощью Вѣры
 Всяка ложъ не посшойтъ.

(*) Въ оригиналѣ. сшощъ здѣсь слово *Habel*:
 но, вѣрояшно, сіе опечашка, и по сѣмыслу
 кажешся вмѣсто *H.* должно бытъ *B. ш. e.*
Babel. Вавилонъ, а не Авель.

Погрѣшности.

налетатано

титай

сшран. стр.

83	15	Ввесьма	Весьма
99	18	подвегря	подвергся
102	12 - 13	глубже	глубже
130	1	крови	крови